

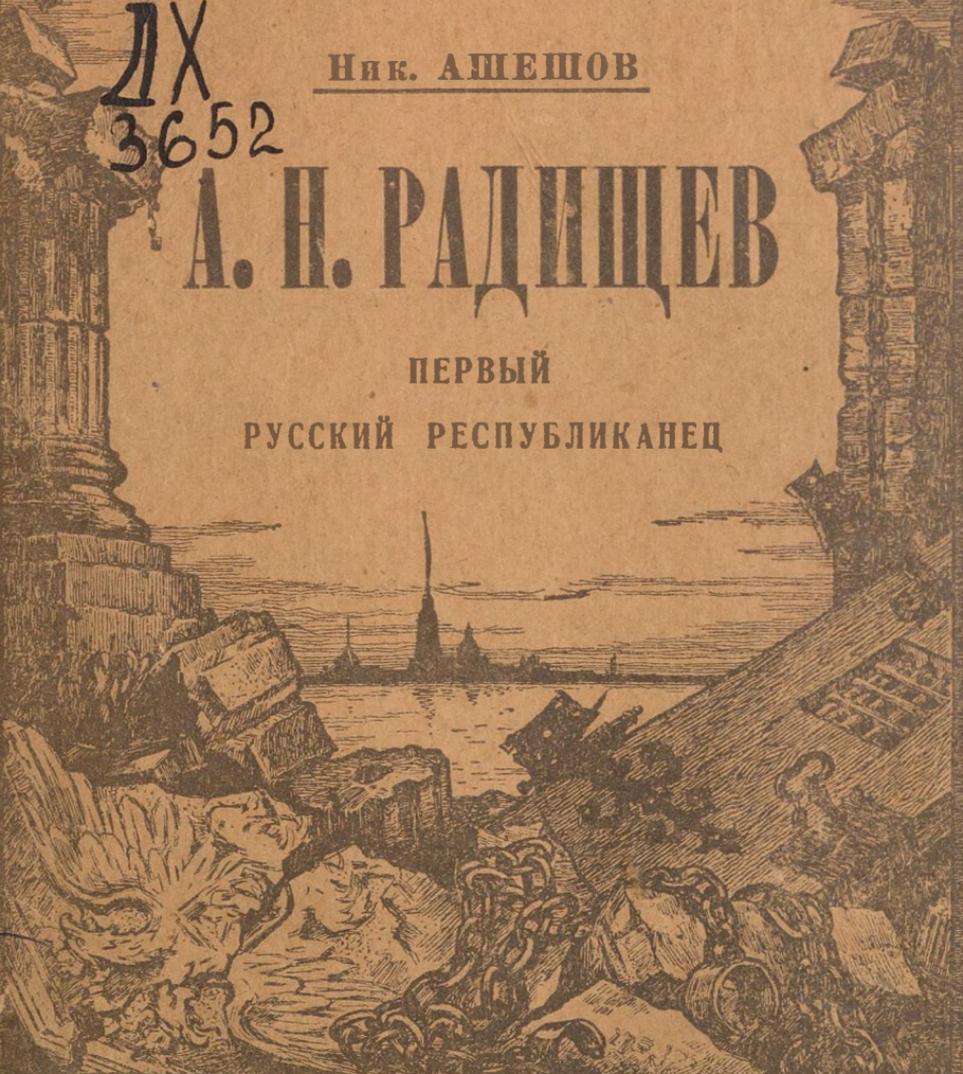
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ
БИБЛИОТЕКА

ДХ
3652

НИК. АШЕШОВ

А. Н. РАДИЩЕВ

ПЕРВЫЙ
РУССКИЙ РЕСПУБЛИКАНЕЦ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ 1920

Ник. Ашешов

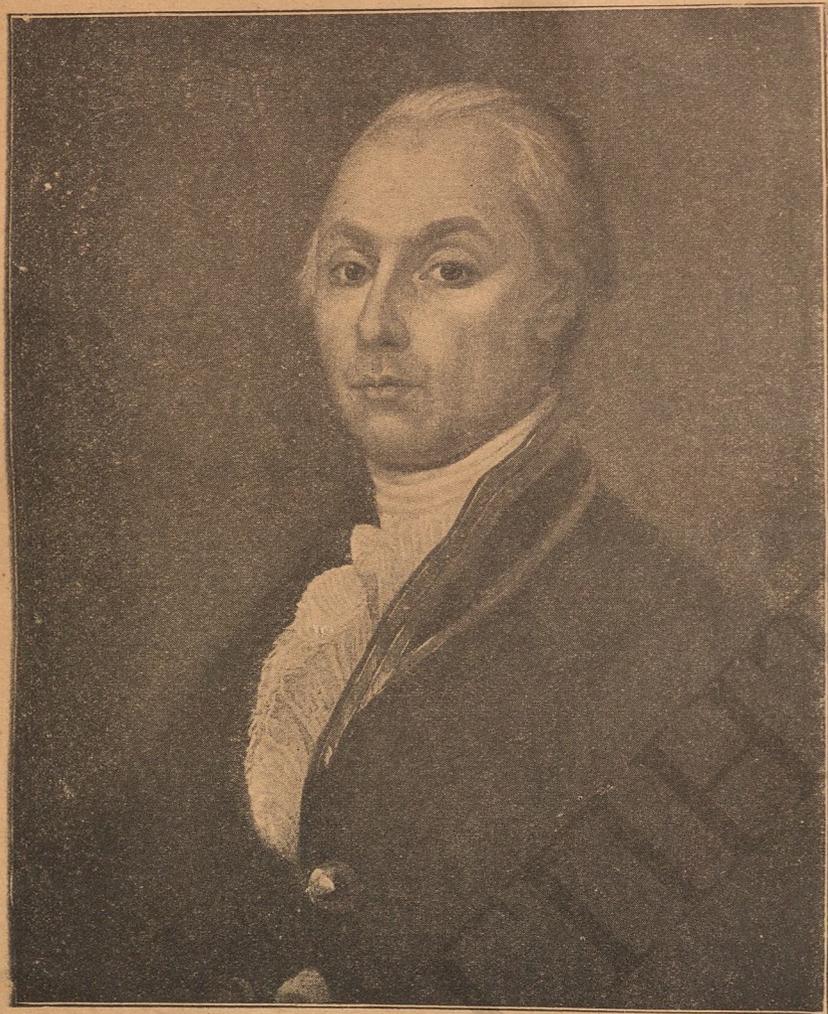
А. П. РАДИЩЕВ,

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ РЕСПУБЛИКАНЕЦ

Под игом власти, сей, рожденный,
Неся оковы позлащены,
Нам вольность первый прорица!

Издание Петроградского Совета
Рабочих и Красн. Депутатов
1919

Александръ Радищевъ

DX
3652

А. Н. Радищев,

первый русский республиканец.

*Под игом власти, сей, рожденный,
Неся оковы позлащенные,
Нам вольность первый прорицал.*

Сто двадцать девять лет тому назад, 26 июня 1790 года, секретарю императрицы Екатерины Второй Храповицкий, войдя в кабинет государыни, застал ее в сильном волнении. Оказалось, что тот день Екатерина начала читать только что изданную в Петербурге книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» и с этой же страницей пришла в сильнейшее негодование, к которой примешивалось и чувство страха. Императрица в гневе сообщила своему секретарю об этой книге, как о распространяющей французскую заразу, т. е. как о революционной, и, прочитав только первые тридцать страниц, распорядилась уже послать за полицмейстером Никитой Рылевым. Государыне не верилось, чтобы книга, в которой высккивалось «все возможное к унижению почтения к власти и властям, к приведению народа к возмущению против начальников и начальства», могла быть издана с разрешения тогдашней полиции. Однако, Никита Рылевы подтвердил, что книга издана с его разрешения, признав, что он ее не читал. Сочинителя книги он не знал, и начал розыски. Впрочем, у императрицы уже возникли подозрения относительно двух лиц. Одного из них она угадала. Это Радищев. На другой день, 27-го июня, дело было передано в тайную полицию (она тогда называлась «экспедицией») и, к сожалению, зверю-человеку, «кнутобойце», неизмеримо жесто-

Сверено
1991 г.

49 $\frac{16}{83}$

Сверено
1991 г.

кому и в то же время большому взяточнику. Когда арестованный Радищев узнал, что он попал в руки и мучителю Шешковскому, то упал в обморок. 30-го июня Радищев был заключен в Петропавловскую крепость. Началось дело о русском писателе, открыто выступившем в печати не только против всяких зол жизни, чиновничества, духовенства, против крепостного права, отсутствия правды в судах и т. д., но и—что главное—против *самодержавия*. Недаром же его книга, арестованная в 1790 году, не появлялась в свет до 1905 года. В царствование Николая Первого цензура запрещала о ней упоминать. В царствование Александра Второго издание «Путешествия» было сожжено цензурой. То же самое цензура сделала в 1903 году... Таким образом, Радищев сто пятнадцать лет был страшен самодержавию. Он напугал монархов на целое столетие!

Что же это была за книга? ¹⁾.

¹⁾ Она издана без всяких изменений только в конце 1905 г.

I.

Двести лет тому назад образование очень медленно и туго развивалось в России. Русская жизнь была простой и несложной. Крепостное право было основой этой жизни. Рабский, даровой труд крестьянина служил источником существования дворянского класса, поставлявшего чиновников правительству. Торговля и промышленность были в зародыше. При натуральном хозяйстве все производилось дома, покупать со стороны приходилось немного, и помещики, при непривлекательной жизни, своими средствами обходились со своими потребностями. Не было вследствие этого никакого интереса заботиться об образовании. Помещику оно не было нужно, крестьянина тем более нельзя было допустить к просвещению, и только правительство, чтобы раздобыть себе чиновников, которые лучше извлекали бы выгоды для власти, заботилось об образовании. Петр Великий первый очень хорошо понял это и чуть ли не силой заставлял русских дворян учиться. Но только с царствованием Екатерины, когда окончательно сложилось дворянство, когда развилось крупное землевладение, ожилась торговля, а промышленность, при помощи того же рабского, крепостного труда, стала увеличиваться, началось в России развитие настоящего образования.

Вся наука шла к нам с Запада. Со времени императрицы Елизаветы Петровны русское общество находилось под сильным французским влиянием, отчасти—немецким. Сначала иностранцам подражали только с внешней стороны, воспринимали только внешнюю культуру, т. е. образ жизни (платье, обстановку дома, танцы, забавы), а затем заимствовали и духовную культуру: театр, книгу, школы. Образование шло от высших, зажиточных классов и рас-

пространялось и среди недворян. Круг образованных людей делался с течением времени все шире и шире, но, конечно, оставался, в виду общей несложности жизни, незначительным, а потому и маловлиятельным. Но образование делало настолько значительные успехи, что рабское заимствование с Запада стало сменяться самостоятельной работою русской мысли. Со времени Екатерины Второй начинает складываться общественное мнение, т. е. критическая, проверочная работа общества над явлениями русской жизни.

Французская литература вначале влияла на Россию своею безобидной стороной. Изящная словесность (романы, повести, стихотворения) воспитывала вкус русских читателей, развивала любовь к чтению, будила запросы ума и чувства. Это была первая ступень к образованию. Но восемнадцатый век во Франции — самый замечательный век в истории человечества, потому что он закончился Великой Французской революцией. В XVIII столетии во Франции совершался великий перелом в умах в сторону революции. Сложный социальный строй Франции вызывал необходимость великих перемен. Противоречия в нем делались все глубже и глубже. Буржуазия, крепкая и сильная, вошла в непримиримое противоречие с дворянством и духовенством, служившими опорой самодержавию французских королей. И в среде этих классов в каждом отдельно, как и в других (армии, крестьянстве, рабочих), шли расслоения, борьба интересов, что усилило еще больше социальные противоречия. Освободительное движение, вызванное ими, нашло отражение в богатой литературе. Необычайное оживление философской и научной мысли направилось на борьбу со старым дворянско-католическим строем. Сначала эта борьба имела просветительный характер, имела целью уничтожить религиозные, сословные и другие суеверия и предрассудки. Но эта борьба расчищала путь революционным идеям, которые в конце века стали распространяться все шире и шире и затем вступили в борьбу с властью.

Просветительная философия нашла в России много последователей. Она носила отвлеченный характер, не требовала немедленного воплощения в жизнь и потому опасности социальному строю России не представляла. Потому-то французские философы

приобрели симпатию самой Екатерины Второй. Но начатая критическая работа человеческой мысли не может остановиться на полпути. Она пошла дальше, во Франции довела до революции, в России же отразилась отдельными вспышками.

Социальный строй России был несравненно проще французского. Не было у нас тогда буржуазии, не было, следовательно того класса, который вошел в тело Франции и вызвал в нем такую смуту. Аристократия дворянская и чиновная только слагались у нас во время Екатерины в ярко-определенную величину. Духовенство не играло никакой роли. Таким образом французские идеи, приходившие к нам с Запада, не находили себе почвы в нашем социальном строе и не могли претвориться в дело. Но они соответствовали духовным запросам образованных людей, они манили к себе своею человечностью, своею широтой, красивыми обещаниями лучшего будущего. Экономическая и политическая жизнь Франции неизбежно вела к революции. В России она была невозможна по французскому образцу. Но французские идеи, перенесенные в Россию и здесь переработанные, уже в силу условий русской действительности, согласно с нею, должны были резко столкнуться с самодержавно-крепостным строем, как только эти идеи приняли революционную окраску.

Сама Екатерина Вторая была поклонницей французской философии дореволюционного периода. Умная и образованная, она увлекалась французскими освободительными идеями, помышляла даже, в начале своего царствования, приложить их к русской жизни в реформах управления, введении справедливого суда, свободе печати и совести, уничтожении или смягчении крепостного права. Но это были только праздные мечтания императрицы, которая не могла не видеть, какое упорное противодействие она встретила бы в дворянско-крепостнической среде. Когда же французские события выросли до революции, Екатерина испугалась за свой трон, как и все тогдашние государи Европы, и сделалась смертельным, непримиримым врагом освободительных идей. Они в глазах ее были только «французской заразой»...

II.

Александр Николаевич Радищев был сын состоятельного помещика Саратовской губернии, для своего времени достаточно образованного человека, охотно читавшего и прихотлившего к чтению и сына. Одно из первых неизгладимых впечатлений детства Радищева был Пугачевский бунт, когда ему вместе с отцом пришлось скрываться в лесу от расправы повстанцев. Отец Радищева был человек гуманный, хорошо обращался с крестьянами, и последние спасли его во время бунта.

Как и всегда в то время, мальчика Радищева препоручили в Москве воспитателям-французам, один из которых бежал из Франции от преследований самодержавного правительства Людовика Девятнадцатого. Несомненно, что благодаря этому воспитателю Радищев впервые знакомится с французскими либеральными взглядами и эти взгляды неизгладимо остаются в душе мальчика на всю жизнь. Затем с ним занимаются профессора недавно (в 1755 году) открытого московского университета, и, наконец, тринадцать лет, он поступает в пажеский корпус, который Екатерина старалась поставить на научную высоту. Пажи, помимо занятий в корпусе, обязаны были еще дежурить во дворце, и здесь-то юный Радищев, прислуживая за столом, близко видел безумную роскошь, распушенные нравы и быт приворных, проводивших жизнь в интригах, в борьбе за влияние, в пресмыкательстве пред императрицей, ее любимцами и влиятельной знатью наряду с презренцем к низшим.

В 1766 году Екатерина, желая увеличить число образованных чиновников (она тогда думала еще о широких реформах), решила отправить за границу, в лейпцигский университет, кружок молодых людей с тем, чтобы они изучили серьезные науки у немцев. На казенный счет было отправлено двенадцать молодых людей, от 12 до 21 года, в том числе и Радищев. Среди той молодежи старшим был Ф. В. Ушаков, богато-одаренный юноша, весь пропитанный вольнолюбивыми мечтами, пылкий, восторженный, пламенно любивший науку, а потому пользовавшийся громадным влиянием на своих товарищей. С юношами был послан,

как руководитель и воспитатель, майор Бокум, которому императрица предписала обращаться со своими воспитанниками возможно деликатнее. Выбор руководителя оказался, однако, неудачным. Бокум был грубый солдат, взяточник и хищник. С молодежью он обращался, как с крепостными. Несмотря на отпуск большой суммы на содержание (800—1.000 р. на каждого воспитанника), Бокум кормил молодежь откровенно, поместил ее в грязных, сырых и темных квартирах, одевал, как нищих. Обирав таким образом молодых людей, Бокум кроме того получал еще взятки с их родителей. Для наставления в православной вере к юношам был приставлен еще неромонах отец Павел, который отличался своей смешливостью и поэтому даже при богослужении закрывал глаза, чтобы не расхохотаться во весь могучий годос. При таких условиях русские студенты, вместо того, чтобы учиться, на первых порах должны были потерять массу времени на борьбу с Бокумом. Дело дошло до того, что Бокум начал сечь воспитанников и сажать их в особую клетку, в которой нельзя было ни стоять, ни сидеть. В донесениях своих из Лейпцига кабинет-курьер Яковлев сообщает, что он лично видел эту ужасную клетку. Бокум «запирал и сажал дворян в таком тесном и переломном и тем самым здоровью их опасном положении, что в ней ни стоять, ни сидеть на островерхих перекладинах прямо не можно. И чтобы хитрому вымыслу сему ничего не доставало, то похвалялся его высокоблагородие клетку сия и в оной заключенного, поднимая на блоке, держать чрез определяемое к тому время повешенною на воздухе». Студенты писали жалобы в Россию, но из этого ничего не выходило. И доведенные до отчаяния, они решились повести активную борьбу с Бокумом. И когда капитан однажды дал одному из студентов пощечину, то получил в ответ тоже пощечину.

При тогдашней тяжелой дисциплине проступок этот был весьма серьезным, и взбешенный Бокум решил примерно наказать студентов. Он отправился к военным властям города, изложил им происшедшее, как бунт против власти, и просил дать ему солдат для усмирения студентов. Солдаты были даны, и Бокум арестовал всех своих воспитанников, подвергнув их весьма строгому режиму, точно они были «государственными преступ-

никами или отчаянными убийцами». Они сидели в полутьме, так как окна были наглухо заколочены, у них отняли не только оружие, но и ножи, и вилки. Бокум принял к тому же меры, чтобы русский посол ничего не узнал об этом происшествии и в то же время принес на студентов жалобу в университет, требуя предания их суду. На допрос студентов водили скрытым образом, точно на инквизиционный суд.

Посол, к счастью, проведая всетаки про студенческие невогоды, вмешался в дело, и молодежь была освобождена. В России же только через четыре года узнали про деяния Бокума, и он был уволен, но уже тогда, когда Радищев в Лейпциге не было.

Борьба с Бокумом угнетающе действовала на Радищева, впечатлительного и первого юношу. Полное бессилие в противодействии наглому вору и грубияну наполняло его душу горькими мыслями о всевластии чиновников, действующих произвольно, несмотря на точные предписания императрицы, несмотря на жалобы и вмешательства посла. Но этот случай еще сильнее укрепил в Радищеве, как и в его товарищах, сознание собственного достоинства, необходимость борьбы за это достоинство, необходимость живого протеста.

По инструкции императрицы Екатерины русские студенты должны были обучаться латинскому, немецкому и французскому языкам, «моральной философии, истории, а наипаче праву естественному и всенародному, и несколько и Римской империи праву». Для императрицы было важно, чтобы студенты усвоили хорошо все, чему наука учит относительно государства. Учение же о государстве, о происхождении человеческих обществ, о первоначальных правах человека (естественное право), о власти, отношении ее к гражданам, о законах и их основаниях и т. д., учение о всех этих вопросах волновало французских философов давно, и они разрешали такие вопросы различным способом, в разных теориях. Преобладало учение, что люди рождаются равными, что у них есть естественные, прирожденные, неотъемлемые права (свободы слова, совести и т. д.), что государство образовалось путем общественного договора людей, которые свою природную неограниченную свободу ради общего блага ограничивают зако-

нами гражданскими; если законы не создают этого блага, а нарушают его, то граждане могут прибегнуть к самозащите. С течением времени философская мысль уже прямо переходила к отрицанию власти одного человека (монарха), к необходимости народовластия.

Екатерина Великая только впоследствии убедилась, какую опасность представляло развитие подобного рода идей. Но лейпцигских студентов она принуждала изучать «наипаче естественное право», за которое они действительно принялись с жаром. Изучив немецкую и французскую философию, они останавливали затем свое внимание на таких теснях, которые не витали в облаках и к звездам, не обращались к Богу и не придумывали различных туманных объяснений для того, чтобы понять, что такое разум, чувство, душа. Им нравились философы, которые стояли ближе к земле, к материальному началу, которые объясняли явления человеческой души просто и реально деятельностью тела. Что такое разум, например? Философы разных стран написали по этому поводу массу книг и давали самые туманные объяснения. Радищев же и его товарищи увлекались теория Гельвеция, который просто объяснял: разум обнаруживается в суждении человека; суждение же—это сравнение того, что ощущает человек, его ощущений, чувствований: без чувствований нет разума; нет его деятельности, независимой и свободной от ощущений (эта теория называлась «сенсуализмом»); разум и есть лучший устроитель жизни на земле. Вообще лейпцигских студентов привлекал материализм, т. е. такие теории, которые все объясняли вещественно, во видимых и чувствуемых нами фактах и явлениях. Этим и объясняется, что, помимо обязательных предметов, Радищев за границей принялся за изучение химии и медицины.

Но наибольшее влияние на русскую молодежь имели политические писатели, которые развивали идеи свободы, братства, равенства, народовластия. Из них наибольший успех в Европе и у лейпцигских студентов выпал после Руссо на долю Мабли, строго проводившего демократические идеи и требовавшего полного народовластия, т. е. республики. Федеративную республику Мабли называл «высшей степенью совершенства, до которой может возвыситься политика». Мабли шел дальше, он затрагивал

уже экономические вопросы, говорил об экономическом равенстве людей, критиковал собственность, указывая на то, что при собственности никакой разум не в состоянии доставить наибольшее счастье для людей. Отметим, что, увлекаясь политическими теориями Мабли, лейпцигские студенты не шли за своим учителем в его экономических взглядах: слишком чуждыми они казались им.

Изучение всего того, чем волновались французские умы во Франции пред революцией, заполнили душу Радищева республиканскими идеями и светлыми мечтами о служении родине. Вера в то, что просвещенный разум может, как волшебный творец, пересоздать жизнь, была так понятна во Франции, где жизнь расплодлась по всем швам, где старый строй дряхлел и рассыпался и где нужны были, следовательно, просвещенные усилия людей, чтобы окончательно столкнуть его в пропасть и построить новое здание на новых началах, во имя свободы, равенства, братства и воли народа. Но в России эта пламенная вера юноши должна была испытать горькие разочарования. Радищев для России был только человеком будущего, для настоящего он не подходил; в настоящем лежало столько зла, неправды и несчастий, покоившихся на самодержавно-крепостническом строе, что никакая благородная мечтательная философия не могла во имя просвещенного разума разрушить все это вековое наследие несчастной истории русского народа.

II.

С глубоким волнением возвращался в ноябре 1771-го года Радищев на родину. Его охватывал восторг при мысли о той великой плодотворной работе, какая ему предстоит. Впоследствии он вспоминал то нетерпение, с каким он жаждал увидеть родину, радость, когда эта мечта сбылась, и то «исступление», с каким он готовился пожертвовать всем, даже жизнью, «для пользы отечества».

Но холодом пахнуло дома на молодого республиканца. Пропать между идеалами, порывами, мечтами и действительной жизнью оказалась бездонной. Жизнь изо дня в день тяжелым гнетом ложилась на впечатлительную душу смелого и горячего

Радищева. Поступив скоро в сенат, он близко познакомился с «черною неправдой», царившей в тогдашних судах, в административной, во всем укладе жизни. Язвы крепостного права на каждом шагу давали себя чувствовать острую болью. Но Радищев не только не падал духом, но загорался новою надеждою: глубокая, фанатичная вера во власть и чарующую силу человеческой мысли и слова слишком прочно залегли в его душе и не давали места безнадежности и отчаянию, этому самоубийству духа. К тому же некоторые условия для деятельности «гражданина» Радищева казались не особенно тяжелыми. Императрица Екатерина «с Вольтером лучший друг была», с тем Вольтером, который своей безжалостной насмешкой, беспощадной пролией преследовал в особенности религию и духовенство. Императрица переписывалась со знаменитыми либеральными учеными. Звала в Россию Руссо. К ней приезжал философ Дидро, который горячо ей доказывал, что Россия управляется хуже Франции, потому что свобода личности сведена к нулю, верховная власть слишком велика, слишком много произвола, что для счастья народа нужно постоянное народное представительство. Екатерина слушала философа со скрытой иронией, но всетаки слушала внимательно и охотно. Пред тем Екатериной был издан «Наказ», которым должна была руководствоваться созванная ею и обратившаяся затем в комиссию для составления проекта новых законов. Этот «Наказ» был настолько либерален, что показался опасным для Франции, где он был запрещен. В «Наказе» императрица говорила общие места о гуманности, о свободе, недопустимости пыток и смертной казни, слегка намекала на необходимость ослабления крепостного права и т. п. Покровительствуя литературе, Екатерина основала общество для перевода замечательных произведений с иностранных языков на русский. Необходимые для этого суммы были отпущены из казны Екатерины. В это общество переводчиков был приглашен и Радищев, который выбрал одно из произведений своего любимца Мабли — «Размышление о греческой истории»; в нем последний проводил свои любимые идеи о равенстве людей и имущества, о передаче земли в общую собственность страны (национализация) и т. д. Переводя книгу (в 1773 году), Радищев снабдил ее своими

примечаниями, весьма характерными для тех воззрений, какие вынес Радищев из заграничной поездки. В этих примечаниях он говорил о преимуществе, первенстве избирателей над избираемыми, законодательной власти над исполнительной. Весьма важное примечание сделал Радищев, объясняя слово «деспотизм».

Деспотизм по-русски он перевел «самодержавство» и пояснил: «самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». И, развивая эту мысль, Радищев указывает на то, что люди не могут дать над собой неограниченной власти, а закон, как выражение общественной воли, может наказывать только при нарушении его, следовательно для подирепления его силы. Если мы живем под властью законов, то не потому, что должны это делать, но потому, что это нам выгодно. Если мы отдаем закону часть наших прав и нашей естественной, природной нам власти, то делаем это для того, чтобы закон приносил нам пользу: об этом мы делаем с обществом безмолвный договор. Если этот договор нарушен, т. е. если закон не приносит пользы, то люди имеют право отказаться от исполнения договора, т. е. не исполнять закона. Неправосудие государя дает народу такие права, какие закон дает государю над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества.

В книге, посвященной своему другу и лейпцигскому товарищу Ф. В. Ушакову, напечатанной в том же 1790 году, Радищев, между прочим, писал:

«Не тревожился Юлий Кесарь о том, что прослывет государственным татем, когда похищал общественную казну. Не боялся правители народов прослыть грабителями, налагая на сограждан своих отяготительные подати, или прослыть убийцами своей собратии и разбойниками в отношении тех, которых неприятелями именуют, вчиняя войну и предавая смерти тысячи воинов. Пример самовластия государя, не имеющего закона, ниже других правил, кроме своей воли и прихотей, побуждает каждого начальника мыслить, что, пользуясь уделом власти беспредельной, он такой же властитель частно, как тот в общем. Да и сие иначе и быть не может по среднему человеку стремлению к самовластия».

Эти идеи, замечательные Радищевым у французских философов (Руссо, Гольбаха, того же Мабли), как они ни были враждебны самодержавной и неограниченной власти, не только не нарушали покоя императрицы Екатерины, но даже разделялись ею. Идеи эти были модны, государыня очень старалась, чтобы в Западной Европе, с учеными которой она вела непрерывную переписку, были выгодного и жесткого мнения о русской просвещенной парижке, да и в самомисии и самоослеплении Екатерина, быть может, искренно думала, что она — не деспот, что ей чужда тирания неограниченной власти, что ее образованный ум не может допустить господства произвола и насилия. Такая терпимость была тем более понятна, что Радищев в данном случае приводит только общее рассуждение, не развивает своей мысли далее, не указывает на распорядки Российской империи и не приводит подлинных фактов жизни, которые ясно указали бы невозможность в России действительной законности.

Да и вообще настроение в то время у Екатерины было настолько либеральное, что еще за четыре года до Французской революции она взяла под свою защиту пьесу Николаева «Сорена и Замир», в которой российский царь Мстислав разлучает двух любящих супругов. В этой пьесе есть такие стихи:

Исчезни навсегда сей пагубный устав,
Который заключен в одной монаршей воле;
Льзя-ль ядять блаженства там, где гордость
на престоле,
Где властью одного все скованы сердца?
В монархе не всегда находим мы отца.

Московский главнокомандующий обратил внимание на пьесу и в особенности на эти стихи, но Екатерина гордо ответила ему: «Смысл таких стихов никакого не имеет отношения к вашей государыне; автор восстает против самовластия тираров, а Екатерину вы называете матерью». И, по повелению императрицы, трагедия Николаева была напечатана в академическом издании.

В своем знаменитом «Наказе» Екатерина II так писала о личных оскорблениях верховной власти:

«Называть преступлением, до оскорбления величества насажу-щимся, такое действие, которое в самой вещи оною в себе не заключает, есть самое насильственное злоупотребление... Человеку снилось, что он умертвил царя—сей царь приказал казнить его смертью, говоря, что не приснилось бы сие ему ночью, если бы он о том днем наяву не думал. Сей поступок был великое ти-ранство, ибо если бы он то и думал, однакож на исполнение мысли своей еще не поступил; законы не обязаны наказывать ни-каких других, кроме внешних или наружных, действий. Слова не влекутся никогда в преступление, разве оные пригото-вляют или соединяются или последуют действию беззаконному. Все превращает, его делает из сл в преступление, смертной казни достойное. Запрещают в самодержавных государствах со-чинения очень извительные: весьма беречься надобно изыскания о сем далече распространять, представляя себе ту опасность, что умы почувствуют притеснение и угнетение, а сие ничего иного не произведет, как невежество; опровергнет дарование разума че-ловеческого и охоту писать отнимет».

Так писала императрица о свободе печати. А на деле в процессе Радищева она поступала совершенно обратно каждому своему слову. И как-раз изложение сна Радищева более всего возмутило Екатерину и чуть не привело Радищева к эшафоту.

И это потому, что уже гремели громы Французской революции, и трепетали цари всего мира, трепетала в Петербурге и Екате-рина II. Либеральный «Наказ» был забыт. Была забыта свобода печати, и когда Екатерина прочитала в академическом же из-дании трагедию Княжнина «Вадим» и нашла в ней такие строки:

Самодержавие, повсюду бед содетель,
Вредит и самую чистейшу добродетель.
И, невозвратные пути открыв страстям,
Дает свободу быть тиранами царям—

вспыхнула она деспотическим гневом и, памятуя Французскую революцию, воскликнула: «И вы еще уверяете меня, что мне не-чего бояться!».

Книга была уничтожена.

Из страха за престол Екатерина резко порвала со всеми своими идеями.

Литературная деятельность Радищева надолго затем пре-рвалась. Он переживал мучительный период душевного разлада. Его восторженный ум и пылкое сердце не могли примириться с теми ужасами, какими была полна тогда русская жизнь. Через четыре года после перевода Мабли, он снова поступил на службу и прослужил около десяти лет в петербургской таможне. Но казенная служба мало удовлетворяла писателя. Он входил в зрелые годы, но это не уменьшало жара его души, и когда в 1780 году ему попала книга Рейналя «Философская история обеих Индий», Радищев воскрес душою и задумал в свою очередь большой и важный труд. Рейналь произвел неотразимое впечат-ление на Радищева и воскресил давнишнюю уже мечту о книге, в которой он мог бы излить все порывы своей вольнолюбивой души, страдавшей под ярмом самодержавного строя. Еще в 1772 году Радищев в журнале «Живописец» напечатал «Отрывок путешествия в*** Т***», в котором уже касался ужасов крепостной жизни крестьян.

Книга Рейналя, написанная приподнятым, несколько кри-кливым слогом, увлекательно излагала все революционные в сущ-ности идеи того века, заключала ряд резких нападок на ре-лигию, на христианство, на государство в его форме самодержавия и т. д. Особенно сильно действовали на читателя картины раб-ства в Индии, которые рисовал Рейналь. Эти картины с особою силою пробудили в Радищеве юношеские идеи и мечты.

Жизнь не охладила их, а углубила.

В русском же обществе идейное брожение, несомненно, было, хотя, понятно, оно не могло захватить широкие и сильные круги. Идей ограничения самодержавной власти, вообще говоря, никогда не умирали на Руси. Уже вскоре после смерти Петра, при воцарении Анны Ивановны, была сделана попытка ограни-чить власть императрицы властью верховного тайного совета, т. е. немногочисленных высших чиновников. При Екатерине идеи народного представительства получили еще большее распростра-нение. Радищев обдумывал еще свою книгу, а идеи ее, заим-ствованные у Запада, уже бродили в обществе. И это особенно

обнаружилось в начале Французской революции. В том же 1790 году, когда судили Радищева, наставник великого князя Александра Павловича (впоследствии императора Александра I) писал одному из высших чинов о настроении умов: „вольноглаголанье о власти самодержавной почти всеобщее и чувство, устремляющееся к необузданной вольности, воспалившееся примером Франции, предвещает нашему любезнейшему отечеству наужаснейшее кровопролитие“. Когда пришло известие о взятии в Париже Бастилии, этой тюрьмы, куда заточалась свобода французов, то в Петербурге купечество, горожане и дворянская молодежь ¹⁾ открыто выражали свою радость; некоторые дворянские дома даже были иллюминированы. Дальнейший ход революции возбуждал острое внимание не только образованных жителей столицы, но и глухой провинции, даже Сибири.

Общественное настроение, таким образом, было в пользу Радищева. В нем он черпал уверенность в необходимости своей работы и во всеобщем к ней сочувствии. Но, когда Радищев, наконец, решился выступить на широкое общественное поприще, было уже поздно. Уже переменялись правительственные веяния и настроения. Либеральные течения при дворе начали иссякать. Бюст Вольтера, которому Екатерина предполагала поставить памятник в Петербурге, из дворца был выброшен в подвал. Отдаленные раскаты Французской революции, разнесшись по всему миру, потрясли везде своды самодержавных дворцов, даже там, где никакой опасности возмущения не было и не могло быть.

Екатерина, конечно, не понимала, что те либеральные идеи, которые она разделяла, были уже революционными в своем зародыше. Идеи эти развивались, крепились, формировались глубже и шире; они питались благоприятной социальной средой и вели неизбежно к действиям—к перевороту.

Вначале Екатерина еще не вполне сознавала всего рокового хода французских событий. Почти накануне революции она пишет в одном письме, что не разделяет мнения тех, которые говорят, будто-бы «мы находимся накануне великой револю-

¹⁾ Интересно отметить, что в толпе, бравшей Бастилию, было двое русских—князя Голицыны, с ружьями в руках добывавшие французам свободу.

ции». Созыв потаблей Людовиком XVI Екатерина даже одобряла. Но затем Екатерина все более и более приходит в раздражение от французских событий. Самым внимательным образом читая французские газеты, Екатерина искренно негодует, узнав о том, что народ в Париже бросал грязью в карету королевы Марии-Антуанетты, когда она ехала в оперу. Созыв государственных чинов (генеральных штатов) испугал Екатерину, и она высказала столь обычное у монархов мнение, что Франции следует затеять войну, лишь бы не собирать народных представителей. Взятие Бастилии повергло Екатерину в ужас; она негодовала на парижское население, когда оно заставило короля переехать из Версаля в Париж, а затем и перешла к активной помощи королю и эмигрантам: тайно, через посольство, помогала неудавшемуся бегству короля и поддерживала сношения с эмигрантами, мечтая о войне с Францией, о том, чтобы «искоренить всех французов для того, чтобы и имя этого народа исчезло» ¹⁾.

¹⁾ В интереснейших «Записках» Александра Михайловича Тургенева (в журнале «Визоль» за 1918 г.) рассказывается, как мучительно встревожена была впоследствии Екатерина, когда получила известие о казни Людовика XVI в Париже. Но, к несчастью императрицы, первый человек, с которым она попробовала обменяться мыслями по поводу казни, огорошил ее самым неожиданным образом. Это был ее библиотекарь Н. Ф. Лужков, сподвижник философ, проводивший все дни за книгами и совершенно чуждый лести и искательства у всемогущей царицы.

«Государыня»,—рассказывает А. М. Тургенев,—вошла в библиотеку встревоженная, с расстроенным лицом, кусал себе губы, и, заняв свои кресла и подавая конверт (с извещением о казни Лужкову, сказала:

— Прочти-ка, Иван Федорович, какое ужасное злодейство совершили в Париже!

Лужков развернул конверт, прочитал бумаги, отдавая их Екатерине, сказал:

— Ничего и этом не нахожу удивительного.

— Как,—возразила Екатерина,—ничего?

— Да, ваше величество, почему удивляться, что отрубили голову—одному. Вот, напротив, это удивительно, что один всем рубит головы, и люди шеи протягивают, это достойно удивления.

Екатерина, рассердясь, вскочила с кресла, двинула стол с такою силой, что было свалено Лужкова с ног, и вышла из библиотеки.

Иван Федорович остался беспечно продолжать свои занятия, как будто ничего не было и как бы он не виделся с Екатериной.

Две недели императрица не приходила в библиотеку....

Вот в каком настроении была императрица, когда Радищев, окончив в 1790 году свой труд «Путешествие из Петербурга в Москву», отпечатал его в своей домашней типографии в количестве около 650 экземпляров и пустил в продажу. Радищев мог быть чрез своих знакомых осведомленным о настроении двора, но, вероятно, эта осведомленность была не особенно полной. Во всяком случае, оказалось, что Радищев был настороже. Как только книга начала расходиться,—книгопродавцам было выдано не более 75 экземпляров,—до слуха автора дошло, что вместе с большим интересом, обнаруженным в Петербурге к книге, начались и неблагоприятные толки. Наконец, гром грянул. Был арестован книгопродавец Зотов, впоследствии освобожденный и бесследно исчезнувший, и косивший в цензуру книгу Радищева Мейснер. Тогда Радищев, накануне ареста, сжег все имевшиеся у него книги, оставив лишь рукопись, но потом сжег и рукопись, все корректурные оттиски, листки с поправками и черновики. Но книга его, тем не менее, никогда не умрет в русской истории.

IV.

Касаясь самых разнообразных явлений тогдашней русской жизни, изобличая все то зло, какое правительственная власть усердно насаждала, Радищев первый поставил вопрос о самодержавии и в ярких выражениях очертил его сущность. Взгляды его на высшую власть разбросаны по всей книге. Писатель к ним возвращался поминутно. Они его волнуют не менее, чем наибольшее зло—крепостное право.

В очень красиво описанном сие Радищев изображает, как ему представилось, что он—«царь, шах, хан, король, бей, набоб, султан или какое-то сих названий нечто, сидящее во власти на престоле». Это выражение—«нечто, сидящее на престоле» указывает уже, как автор относился к высшей власти. Далее, описывая сон, Радищев рисует картину. «Нечто» сидит на золотом престоле. Голова его украшена венцом; ничто не может сравниться с блеском его одежд; скипетр покоится на изваянных из чистого золота снопах. Вокруг престола стояло бесчисленное множество людей, с робким подобострастием ловивших взоры

государя и расточавших ему рабские улыбки. Царь зевнул: весь зал преобразился, исчезли улыбки, и подобострастие стало изображать на себе озабоченность и печаль. Тогда царь сделал попытку улыбнуться и чихнул,—и радость вновь заиграла на лицах чиновников, дворян и всех, окружавших престол. И стали все восхвалять «нечто» и восклицать: «да здравствует наш великий государь, да здравствует навеки». И полились затем льстивые похвальные речи: царь усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорил тысячи разных народов своей державе; обогатил государство, расширил внутреннюю и внешнюю торговлю; он любит науки и искусства, поощряет земледелие и рукоделие; он умножил государственные доходы, народ облегчил от податей, доставил ему надежное пропитание; он милосерд, правдив, закон его для всех равен, он почитает себя его первым служителем; он законодатель мудрый, судия правдивый, он паче всех царей великих и т. д.

Царь в восторге от тех льстивых похвал и чувствует себя премудрым, как Божество.

Но в это время вошла женщина—Истина. Она подошла к царю и сняла с его глаз «толстую плену». «Ты был слеп,—говорит она царю,—и слеп совершенно». И Истина открывает глаза самодержцу, указывая при этом, что ей не приходится вообще бывать в царских чертогах. Прежде всего Истина обещает царю, что он, сделавшись зрячим, познает верноподданных, которые, вдали от престола, не царя любят, а отечество, которое за неработенные парем человека будут радоваться царскому поражению. Если царь не послушает правды, то туча вознесется над главою его и стрелы карающего грома приготовят ему поражение. Царь несправедливый, допускающий беззаконие и зло—первый преступник. «Ведай,—говорит Истина такому царю,—ты, первейший в обществе, можешь быть убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общественной безопасности, враг лютейший, устремляющий злость свою на внутренность слабого. Ты виною будешь, если мать восплачет о сыне своем, убитом на ратном поле, и жена о муже своем; ибо опасность плена едва оправдать может убийство, войною называемое. Ты виною будешь, если заустеет пива»... и т. д.

И под влиянием речей Истины царь начинает прозреть. Одежды его, столь блестящие, кажутся замаранными кровью и омоченными слезами: на пальцах видятся ему остатки мозга человеческого: ноги стоят в тине. Все, окружавшие престол, предстали в другом виде. Вся внутренность их казалась черною и сгорала огнем ненасытности. Они метали на царя и друг на друга искаженные взоры, в которых господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. И увидел затем царь, чем было на самом деле то, за что его хвалили льстецы. Военачальники, посланные на завоевание, утопали в роскоши, а солдаты были «хуже скота», и казна, на них отпускавшаяся, прилипала к рукам начальства¹⁾. Ордена раздавались за рабство. Флот, отправленный против неприятеля, бездействовал, и начальник его на мягкой постели нежился с любовницей. В стране всюду была несправедливость, чиновники расхищали казну, обирали народ, беззаконничали и пасивничали, и народ тайно называл царя обманщиком, ханжой и пагубным комедиаптом.

Увидел царь всю ту картину и понял свою слабость и коварство министров; понял и то, что он напрасно так любил свою жену, потому что она искала в любви только удовле-

¹⁾ Приводим из «Воспоминаний» А. М. Тургенева чрезвычайно подходящие к характеристикам Радищева данные о крупнейшем фаворите Екатерины—Потемкине, намеков на которого в «Путешествии» вообще не мало.

«Светлейший князь (из смоленских дворян) Григорий Александрович Потемкин, по восшествии Екатерины II на царство явный ее величества валожник,—впоследствии истинный и единственный друг и соправитель Екатерины».

«Слава России, слава Екатерины была нераздельна со славой Потемкина. Он не разделял себя с государством, не знал и не хотел знать, что принадлежит князю Потемкину, что государству; брал во всех казнохранилищах по произволу деньги, не отдавал в том никому никакого отчета».

«Григорий Александрович Потемкин держал крепость Очаков в осаде, дожидаясь морозов, чтобы покрылся льдом лиман, войско умерло от холода, голода и жиды в землянках, а князь в главной своей квартире в лагере, в устроенных домах из досок, обитых войлоками, давал балы, пиры, жег фейерверки; валялся на бархатных диванах с племянницами-валожницами своими и урожденною гречанкою, бывшею прачкою в Константинополе, потом црль,

ния тщеславия и, при наружной нежности, чувствовала в сердце только отвращение.

«Властитель мира,—заключивает свой сон Радищев,—если, читал сон мой, ты улыбнешся с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница (т. е. Истина) отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается».

Повидному, этот сон и определил судьбу Радищева. Прочитавши первые 30 страниц книги, Екатерина велела узнать имя автора. На другой день императрица, продолжавшая читать книгу, уже приказала гр. Воронцову, начальнику и другу Радищева, допросить последнего частным образом. Но чтение книги продолжалось, и в тот же день этот приказ Воронцову был отменен и дело передано тайной полиции.

Екатерина прочитала сон Радищева... и нахмурилась, как буря. Простить этого она не могла. Поютно, она увидела себя и изображение Радищева. В примечаниях, сделанных собственноручно Екатериной на полях книги, звучит злобная нота: «не знаю,—точно торопится оправдаться императрица,—какова *мега власти* в других владетелях, во мне ее нет». «Они весь ум сели, а один государь без смысла»,—замечает она в другом

своей службы генерала графа Витта женою, потом купленною у Витта в жены себе графом *Потоцким* и, наконец, вдовшею у ног своих обожателями своими: императора Иосифа, короля прусского, наследника Фредерика II, Вержеля—первого министра во Франции в царствование короля-кузнеца Людовика XVI, шведского короля Густава; будучи уже в преклонных летах, графиня Софья *Потоцкая* была предметом (обожания) и Александра Павловича».

«Действия князя Потемкина не имели пределов, власть и воля его превышали волю и власть императрицы; но со смертию Потемкина Екатерина перестала (до известной степени) быть самозапною, самодержавною повелительницею России. Одни пратворный блеск, ее обружавший, как тень самодержавия, остался ей в удел. Вельможи делали, что хотели, но страшлись ответственности и возмездия, будучи уверенными, что некому исполнить веление государыни. Потемкина уже не существовало».

«Любовная связь Екатерины с кн. Потемкиным превратилась в дружбу-какой мало видят примеров. После фавора своего, Потемкин остался все так же могуществен, как и во время страстной любви к нему Екатерины, если еще могущество его более не увеличилось».

месте тех страниц, где изложен сон. Последние страницы сна государыня признала уже наполненными «бранью, ругательством и элстным толкованнем... злодейством».

Можно думать, что императрицу более всего возмутили последние строки сна, где царь прозревает относительно любви к нему своей жены, притворно ласкающей, а внутренне чувствующей отвращение ¹⁾).

Если Екатерина, сама либеральничавшая и паграждавшая Николаева за стихи против самодержавия, могла бы простить Радищеву вольномыслие вообще, то простить ему намеки на себя, как на женщину, возбуждавшую отвращение вследствие старости, она была не в силах: удар был нанесен метко, не в бровь, а прямо в глаз, и чувство мести было ответом на оскорбление. Радищев сидел уже в крепости. Из примечаний, сделанных Екатериною на полях книги, «кнутобойца» составил вопросный лист, и начались муки допроса. Радищев изнемогал в тюрьме.

¹⁾ До старости лет Екатерина Великая развратничала и меняла себе любовников, приобретая их по своей прихоти путем весьма простым и несложным. Приводим из «Воспоминаний» А. М. Тургенева картинку из интимной жизни императрицы, вскрывающую всю грязь той придворной жизни, которую обливал своим негодованием Радищев. Эта картинка дает понятие и весь гнев Екатерины, когда она прочтала у Радищева намек на отвращение, какое старая распутная женщина возбуждала в своих наемных любовниках.

«Император Павел,—пишет А. М. Тургенев,—возвел фрейлину покойной императрицы Екатерины в графское достоинство, с правом передачи титула графского родственникам ее. Протасова не имела счастья служить самодержавному и не могла так служить, как она имела счастье служить в Бозе почившей матушке-государыне (Екатерине Великой). Должность и соединенные с ней обязанности Анны Степановны для императора были вовсе не лишни.

«В царствование Великой посылала обыкновенно к Анне Степановне на пробу избираемого в фавориты (в любовники) ее величества. По осмотре предназначенного в высокий сан наложника матушке-государыне лейб-медиком Роджерсоном и по удостоверении представленного годным на службу относительно здоровья, препровождали завербованного к Анне Степановне Протасовой на трехночное испытание. Когда нареченный удовлетворял вполне требованиям Протасовой, она доносила всемогущественнейшей государыне о благонадежности испытанного, и тогда первое суждение было назначено по заве-

Радищев, чтобы сильнее и ярче изобразить все зло самодержавия, не ограничился, однако, этим сном, написанным несколько наивно, но, конечно, с тем расчетом, чтобы смысл сей басни был понятен всем. Екатерина поняла это отлично, читатели должны были понять еще лучше. Радищев и в дальнейшем изложении продолжает давать меткие определения неограниченной власти.

Развивая свои взгляды на естественное право людей, на законы, власть царя и обязанности его подданных, Радищев подчеркивает необходимость их исполнения, в силу его взглядов на необходимость строгой законности в противовес произволу. «Закон, каков ни худ есть, связь общества. И если бы сам государь повелел тебе нарушить закон, не повинуйся ему, ибо он заблуждает себе и обществу во вред». Но есть предел и испол-

денному этикету двора или по уставу, высочайше для посвящения в сан наложника конфирмационному. Перекусихина, Марья Саввична, и камердиднер Захар Константинович были обязаны в тот день обедать вместе с избранным...

«В 10 часов вечера, когда императрица была уже в постели, Перекусихина вводила новобранца в опочивальню благочестивейшей, одетого в китайский плафрон, с книгой в руках, и оставляла его для чтения в креслах подло ложа помазанницы.

«На другой день Перекусихина также выводила из опочивальни посвященного и передавала его Захару Константиновичу, который вел новопоставленного наложника в приготовленные для него чертоги: здесь докладывал Захар уже раболепно фавориту, что всемогущественнейшая государыня высочайше соизволила назначить его при высочайшей своей особе флигель-ад'ютантом, поднесла ему мундир флигель-ад'ютантский, шляпу с бриллиантовым аграфом и 100.000 рублей карманных денег.

«До выхода еще государыни,—взяв в Эрмитаже, а летом в Царском Селе в сад прогуляться с новым флигель-ад'ютантом, которому она давала руку вести ее,—передняя зала у нового фаворита наполнялась первейшими государственными саловиками, вельможами, царедворцами, для принесения ему усерднейшего поздравления с получением высочайшей милости. Высокопресвященнейший папирь митрополит приезжал обыкновенно к фавориту на другой день посвящения его и благословил его святою иконою!».

пению закона. Есть законы и требования, противные чести и нравственности. И если подобный закон или требование государя будет принуждать гражданина к неправде или нарушению добродетели, то этому следует противодействовать, не боясь ни мучения, ни болезни, ни заточения, ни даже самой смерти, тем более, что цари умом не отличаются: «скажи же,—спрашивает Радищев,—в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?». Восставая против чиновничества вообще, а придворных чинов в частности, Радищев указывает, что многие государи возомнили себя непогрешимыми, как Бог, и передавали свою непогрешимость прислужникам своим. Из них они сделали придворных истуканов, которые точно театральные божки повинуются свисту или трещотке. Вообще все придворное чиновничество — туеядцы, упитанные тельцы, незаконные сыны отечества. От царей они заимствовали пышность, но только «тесные умы и малые души» могут увлекаться внешностью. Восставая против цензуры и горячо ратуя за полную свободу слова и печати, Радищев резко бичует власть за стеснения человеческого духа.—Но разве власть когда-либо краснеет!—иронически восклицает он. И в пример приводит Фридриха II прусского, который запретил напечатать без цензуры собрание своих же указов. «О властвование, о всеилие,—восклицает Радищев,—ты мышцам своим не доверяешь; ты боишься собственного своего обвинения, боишься, чтобы язык твой тебя не посрамил, чтобы рука твоя тебя не заушила».

Самое яркое, уже чисто революционное настроение Радищева обнаруживается в его оде «Вольность». Эта ода в «Путешествии из Петербурга в Москву» напечатана в сокращении. Очевидно, Радищев не рискнул поместить ее целиком, так как она представляет собою восхваление вольности и гимн матаму против тиранов, проповедь будущей формы устройства Российского государства.

Эта ода целиком напечатана была у нас только 116 лет спустя (в 1906 году) после «Путешествия из Петербурга в Москву», — так сковывала свободную мысль самодержавная власть на целые столетия.

О, дар небес благословенный,—
начинает Радищев свою оду,—

Источник всех великих дел,
О вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
И сильных мышц твоих ударом
По свет рабства тьму претвори.
Да Брут и Телль¹⁾ еще проснутся,
Седяй во власти, да смятутся
От гласа твоего цари..

Уже начало оды указывает чисто-революционное настроение Радищева. Вольность—источник великих дел, когда она ударом сильных мышц претворяет тьму рабства в свет, когда она рождает Брутов и Теллей, тиралобойцев, мстителей народных тиранам народным, когда она потрясает троны, на которых сидят цари.

Дальше Радищев развивает любимые свои в той эпохи мысли. Все люди рождаются свободными. Но в дальнейшем

Возникла обща власть в народе...
Ей общество во всем послушно...
Во власти всех свою зрю долю,
Свою творю, творя всех волю:
Вот что есть в обществе закон.

Эту теорию общественного договора жизнь нещадно коверкает и уродует. Самодержавная власть в храме рожденного договором Закона создала чудовище.

И се! чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всочасно,
Но полны челюсти отрав,

¹⁾ Брут один из убийц Юлия Цезаря, востановителя Рима; Вильгельм Телль убил Гесслера, наместника австрийского императора в Швейцарии, и положил начало швейцарской свободе.

Земные власти попирает,
Главю неба достигает;
Его отчизна там—гласит.
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет,
И слепо верить всем велит.

Чудовище самодержавной власти, недостижимое, как небо, это небо считает своей отчизной: вот что значит тсория небесного происхождения верховной власти. И, создав этот обман, власть создает дальше и другие, населяя страну призраками и тьмой, ложью и приказом вернуть этой лжи.

Закон се Божий,—царь вещает;
Обман святой—мудрец вещает,
Народ давить что изобрел.

Этот обман, изобретенный для того, чтобы давить народ, есть

Источник лютой рабства оков.

И, обращаясь к Богу, Радищев восклицает:

Возможно-ль, Ты чтоб изменился,
Чтоб Ты, Бог сил, столь уподлился,
Чужим чтоб гласом нам вещал?

Радищев, как «вольтерянец», мятежом встает и на Бога, когда недоуменно спрашивает его, не «уподлился-ли» Он, если позволяет от Его имени говорить царям?...

А затем республиканец рисует картину жизни самодержавной страны, иронически замечая, что в ней

Власть царска веру сохраняет,
Власть царску вера утверждает...

Эта взаимопомощь не приводит, однако, к счастью людей. Рабский покой не возвращает «плодов златых»: где препятствуют стремлениям ума, там «великость» не может нарождаться. Там лень, беспечность, голод, коварство, несправедливое,—один лишь царь чувствует себя отменно и,

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,

На грозном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, рек, щажу злодея;
«Я властью могу дарить.
«Коль я смеюсь, то все смеется,
«Нахмурюсь грозно, все смятется;
«Живет тогда, велью коль жить».

Что же делает масса, народ, общество?

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови нашей алчный гад,
Ругаясь всегда беспорно,
В веселы дни нам сеет ад.
Вокруг престола все надменно
Стоят коленапреклонно...

Но и царям не долго успеть на престоле. И Радищев рисует в таких красках революцию, когда приходит мститель, «вольность прорекая», а «молва, от края и до края, глася свесоду, протечет»:

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главой паря.
Лякуйте, склепанны народы!
Се право мщениное природы
На плаху возвело царя.

Царь идет на плаху—таков идеал республиканца. И народ должен судить тирана: это его право.

Сковав сторучно исполина,
Влечет его, как гражданина,
К престолу, где народ воссел.

И народ, воссевший на царский престол власти, говорит царю, как преступнику уже:

Преступник власти, мною дапной,
Вещай, злодей, мной увенчанный,
Против меня восстать как смел?

И народ читает грозный обвинительный акт своему царю:

— Я возвел тебя на высоту, — скажет народ, — чтобы ты соблюдал равенство в обществе, давал приют сиротам и вдовам, чтобы ты был непримиримым мстителем пороку, лжи и клевете, награждал заслуги честью, предупреждал зло, хранил в чистоте нравы. Я дал тебе богатства, чтобы крестьянин не был крепостным; не щадя крови, я дал тебе войска для защиты от внешних врагов. Но ты забыл клятву, мечом расторг мои желанья, уничтожил все права, унижил истину, расчистил мерзостям дорогу и стал взывать не ко мне, народу, а к Богу, гнушаясь мною. Я разделял с тобою крохи и не щадил своего труда. Но тебе этого мало. Для чего ты сорвал с меня рубище? Чтобы одарить лживого любимца или жену, чуждающуюся чести? Мечом, приготовленным против злодея, ты угрожаешь невинности.

Ты свои полки воинства повел на бой, но разве ради кары во имя человечности? О, — пет — пронизывает зло Радищев:

В кровавых борешься должнах,
Дабы, упившись, в Афинах:
«Герой!» — зевая, могли сказать.

И народ выносит суровый приговор своему царю, обращаясь к нему с такими словами:

«Злодей, злодеев всех лютейший!
«Превзыде зло твою главу.
«Преступник, изо всех первейший!
«Предстань, на суд тебя зову!
«Злодейства все скопил в едином,
«Да не одна пройдет мимо
«Тебя из казней, суностат!
«В меня дерзнул острить ты жало!

«Единой смерти за то мало—
«Умри, умри же ты стократ!».

И Радищев вспоминает здесь Кромвеля ¹⁾, называя его злодеем за попрание свободы англичан, но считая его великим за то, что

Научил ты в род и роды,
Как могут метить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.

И после казни царя народ стекается на вече и престол чужбинный разрушает...

Велик, велик, ты, дух свободы!
Звждителем, как сам есть Бог!

Но народы должны после кровавой революции бережно хранить свою свободу. После ее торжества легко может вернуться рабство:

Народы мнили—правят сами,
Но Август выю их давил,
потому что

Рождается несытна власти
Алчба, звждущая напасти,
Чтоб обществу устроить казнь.

И поэтому Радищев предостерегает народы:

О, вы, счастливые народы,
Где случай вольность дарсвал!
Блюдайте дар благой природы,
В сердцах что вечный начертал.

И трогательно обращается Радищев к Франции, где гремели в это время молниеносные громы революции:

¹⁾ Во время борьбы английских народных представителей с лживым, двоядушным, все обещающим и ничего не исполнявшим королем Карлом I дело дошло до вооруженного восстания между приверженцами короля и парламента. Армией защитников народной свободы командовал Оливье Кромвель, офицер и депутат парламента. Король был разбит, затем взят в плен и в 1648 году казнен, как «убийца и враг страны». Кромвель сделался протектором (покровителем) Англии, но и сам, как деспот, боролся с парламентом и попрал свободу.

К тебе, душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность пограна;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!
Того-ж, того-ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил.
Твоей я славе непричастен—
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл.

Мы в России страдаем и завидуем Франции и ее революции и того же жаждем и для нашей родины! Пример Франции указал, куда должно метить России. И Радищев скорбит, что он непричастен великому делу Французской революции и считал бы себя счастливым, чтобы его прах был похоронен там, в стране революционной борьбы. Но Радищеву суждено оставаться в России. И хорошо. И одного желает поэт, чтобы юноша пришел к его гробу и сказал бы «с чувством»:

*«Под игом власти, сей, рожденный,
«Пося оковы поглещены,
«Нам вольность первый прорицал»...*

Такую надгробную надпись придумал себе Радищев, и она должна бы быть повторена на всех ему памятниках: он ее заслужил. Он первый вольность «прорицал», и Пушкин признал это, сказав про себя, что он свободу восславил лишь вслед Радищеву.

Еще примечательнее заключительные строфы оды «Вольность», в которых поэт рисует будущее России. Он предсказывает, что будет ширить она свои пределы на запад, юг и восток. Но чем обширнее будут пределы страны, тем «слабее членов союз», «между собой все чужды части». Власть, закон пошатнется, и всякий будет «блюсти свою часть», т. е. все части России обнаружат «бренное сложенье» и распадутся. Но этого Радищев не боится. Он верит, что произойдет и воссоединение частей:

Но праха вихри не коснутся,
Животны семена проснутся,
Затускло солнце вновь даст свет...

Россия обратится в развалину, но

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы томной,
Что лютый дух властей зажжет,—
Возникнут, малые светила.

Малые светила—это части России, ее распавшиеся области: областные государства, которые соединятся для общего спасения,

Незыблемо свои кормила
Украсят дружества венцом,
На пользу всех ладью направят,
И воля хищного задавят,
Что чтит слепец своим отцом...

Тогда «затрепчат оковы ночи». В борьбе против «содружества малых светил»

Упруга власть, собрав все мочи,
Вкатыся, где потщится пасть,
Да грузным махом все раздавит,
И стражу к словеси приставит,
Да будет горшая напасть.

Но этот террор не поможет. Против властей сложенья—сложенье светил «в избраннейший день» низвергнет несносное бремя оков... И над Россией взойдет новое солнце вольности.

Мы видим, какая сильная и страстная идея руководила автором, когда он обличал самовластие и все преступления, с ним соединенные. Республика, соединяющая все разнородные области, разноязычные народы в одно содружество, республика, не знающая религиозных и политических суеверий и построенная на свободе и братстве людей,—вот конечный идеал Радищева, вот то, к чему он пришел на 40-м году жизни, уже с посеребренной седью головой.

Радищева смело можно назвать первым русским республиканцем. Ученик Мабли остался верен своему учителю. Правда, Радищев в тех отрывках из оды «Вольность», которые он воспроизвел в своем «Путешествии», не изложил ясно и определенно свою республиканскую программу, и Екатерина не вполне догадалась, в чем дело. Но зато императрица верно поняла суть взглядов Радищева, когда к оде «Вольность» сделала следующее примечание: «Ода совершенно явно и ясно бунтовская, где царям грозитя плахую. Кромвелев пример приведен с похвалою».

VI.

Как мог республиканец, который должен был скрывать свои истинно демократические воззрения, относиться к порядкам, царствовавшим тогда в России?

Если на самодержавном троне восседал тиран, достойный смерти, то понятно, что творилось в стране, обреченной на медленную пытку, на утонченную смертную казнь, не приносящую смерть, но жизнь в ад обращающую.

Зло самовластья особенно ярко отливало в крепостном праве. Царь на троне создавал царей на земле, в поместьях, в помещичьих усадьбах. Царь властвовал по всей стране,—помещик воспроизводил царское управление у себя дома среди подвластных рабов-крепостных.

В царствование Екатерины крепостное право достигло наивысшего своего расцвета—недаром оно вызвало народный бунт Пугачова. Просвещенная императрица умела писать на бумаге красивые слова и даже находила возможным осудить крепостное рабство: «противно христианской религии,—писала она,—обращать в рабство людей, которые родились свободными; свобода—душа вещей; без нее—все мертво: я хочу, чтобы повиновались законам, но не хочу рабов». Но всю свою жизнь просвещенная государыня насаждала рабство. А помещики, просвещенные и непросвещенные, раболепствуя пред троном, тем злобнее неистовствовали над крестьянами.

Крестьяне были рабами безгласными, безмолвными и обреченными на вечный труд в пользу помещика. Ему они должны

были повиноваться беспрекословно. Они не имели права переходить к другим, владельцам, ни в другое состояние, ни переселиться. Даже в брак они могли вступать лишь с согласия барина. Трудом крепостных помещик распоряжался, как хотел. И, не считая раба за человеческое существо, мог продавать этого раба, как скот, с землею и без земли, отдельно или партиями и деревнями. Он мог наказывать своих рабов, ссылать их в Сибирь, отдавать в ркнуты Закон, копенно, на словах, запрещал жестокое обращение с крестьянами, но в жизни мученичество крепостных рабов было превеликим. Всем известно имя помещицы Екатерининских времен Салтычихи, до смерти замучившей 139 своих крепостных. Хотя Салтычиха была посажена за это в подземную тюрьму на всю жизнь, но это был случай исключительный, как исключительна по своей неразумной жестокости была сама Салтычиха¹⁾. Другие были осторожнее, воздержаннее и умнее, и более ловко, путем взяток и влияния, парализовали вмешательство властей и, создавая такую же, как и Салтычиха, обстановку жизни для своих рабов, прекрасно уживались с законом, нарушая его по своему усмотрению.

Рабов-крестьян не только продавали. На них смотрели хуже, чем на товар. Их проигрывали в карты, меняли на собак, отдавали для целей разврата, ими платили долги, давали взятки. В газетах; можно было встретить в то время такие объявления:

«Продается малый 17 лет и мебель».

«Продается малосольная осетрина, 7 синих мерингов и муж с женою».

«Никто продает 11-ти лет девочку и 15 лет парикмахера, да сверх сего 4 кровати, перья и прочий домашний скраб».

Помещики, обращаясь с крепостными, как с рабами, которые для них были порой хуже всякой домашней рухляди, в то же время окружали крестьянскую жизнь самой мелкой опекой, создавая правила жизни по своей прихоти. Были особые любители устраивать жизнь крестьян по своему и точно ее регламентировать, другими словами—назначать самые жестокие наказания

¹⁾ Против Салтычихи (Салтыковой) до этого приговора было возбуждено 21 дело, но все они, при тогдашнем правосудии, прекращались властями.

за нарушение своих, большей частью, нелепых правил. У одного помещика, например, за неявку к нему на поклон, крестьянин получал 1.000 розог. За уклонение от причастия—5.000 розог. После розог разрешалось лежать в больнице только определенное количество дней. После 17.000 розог можно было лежать только 3—4 дня. В имении Румянцева были установлены строгие правила жизни, за нарушение которых крестьянам назначались наказания—штрафы, цепи, тюрьма и батоги. За кражу отнималось все имение, и виновный сдавался в солдаты. За оскорбление дворянина виновного секли, а количество розог определял по своему усмотрению оскорбленный дворянин, и т. д.

Количество крепостных крестьян при Екатерине значительно увеличивалось, потому что просвещенная государыня раздавала крестьян в дар своим любовникам и любимцам¹⁾. Каждый новый любовник императрицы получал чины, денежные подарки и имение с крестьянами. Свободная Малороссия была роздана дворянам, причем свободные крестьяне просто зачислялись крепостными.

Всего Екатерина раздала в свое царствование дворянам до одного миллиона крестьян. Потемкин, бывший самым любимым наложником императрицы, получил всего 200.000 крестьянских душ. Вот список некоторых подарков Екатерины.

Пять братьев Орловых²⁾ получили 45.000 душ крестьян с землями, дворцами, драгоценностями и т. д. на 17.000.000 р., Потемкин всего на 50.000.000 р., Мамонов на 880.000 р., Платон Зубов на 2.700.000 р., Ланской на 7.200.000 р. Высотский, гвардейский офицер, поправился императрице, и за кратковременную связь свою она подарила ему 300.000 р., Васильчиков за сожительство с царицей в течение 22 месяцев получил свыше 1.000.000 р. Всего царица на своих любимчиков потратила в течение 34 лет около 100.000.000 р.

¹⁾ Лев Толстой в «Николае Павлине» пишет об Екатерине II: «Сильнее и отвратительнее всего... было во мне это чувство негодования и омерзения... при описании жизни отвратительной блудницы Екатерины и всей подлости окружающих ее,—подлости, до сих пор остающейся в их потомках».

²⁾ При помощи Орловых был убит муж Екатерины Петр III.

Все эти картины видел Радищев, и что, кроме гневного презрения, мог он чувствовать в своем республиканском, демократическом сердце? Писать прямо обо всех этих государственных мерзостях нельзя было. Пришлось говорить о крепостном праве вообще, не затрагивая императрицы. И всю силу своего скорбного негодования Радищев излил на помещиков, клеймя их за их преступления против русского народа.

Пылая гневом, горя святым негодованием, в обширном ряде страниц описывает он ужасы крепостного права и в приподнятых, даже крикливых, выражениях бичует власть и помещиков, обративших людей в скотов.

Яркими красками рисует Радищев тяжкую крестьянскую жизнь.

Жилище крестьянина—курная изба с покрытыми сажей и грязью стенами и заткнутыми пузырем окнами; изба, в которой люди спят ночью вместе с животными, в спертом воздухе которой свеча горит, как в тумане. Внутреннее убранство этой избы состоит из скудной утвари, двух-трех горшков,—«счастлива изба, коли в одном из них есть пустые щи»,—деревянной чашки и кружков вместо тарелок, срубленного топором стола, корыта для корма свиней и телят и кадки с квасом, похожим на уксус. Одежда крестьянина—посконная рубаха, обувь, данная природой, ошучки с лаптями для выхода.

В целом ряде последовательных, одна другую сменяющих картин, дает Радищев бытовые наблюдения над рабской жизнью крестьянина.

Вот помещик, который заставляет работать крестьянина все шесть дней недели на себя. Для себя же и семьи крестьянин может работать только ночью. Вот помещик, который мучит крестьян работой и голодом, кормит их один раз в день. Тех, кого он считает ленивыми, он наказывает плетью и кошками. Сыновья его пасилуют жен и дочерей крестьян. Крестьяне, выведенные из терпения, убивают помещика.

Вот помещик продает с молотка дворовых людей. Он на торг посылает даже семидесятипятилетнего старика. Не пощадил помещик в этом старике старого слугу, который с отцом господина своего был в крымском походе и раненого унес его с поля сражения;

потом был дядькой молодого барина и также несколько раз спасал ему жизнь. И молодой барин продал его с торгов... Так же на торги поступила и старуха восьмидесяти лет, жена слуги, которая была кормилицей матери помещика, а потом и нянькой...

Вот четвертый помещик, который насаждал прилежание и выбивал лень из крестьян мучительными и жестокими средствами. Если крестьянин казался ему ленивым, то помещик сек его розгами, плетью, батогами или кошками, смотря по мере лености. За кражу он не только сек крестьян, но и надевал им на ноги колодки, кандалы, а на шею — рогатку. Сожительница его имела полную власть над бабами. Помощниками в исполнении ее велений были ее сыновья и дочери, как и у ее мужа, ибо сделали они себе правилом, чтобы ни для какой нужды крестьян от работы не отвлекать... Плетью или кошками секли крестьян сами сыновья, по щекам били плетью за волосы таскали баб и девок дочери... Дочери, не имея женихов, вымещали свою скуку над придальницами, из которых они многих изувечили...

Вот пятый помещик, который у себя в имении пользовался правом первой ночи. Каждую ночь посланные приводили к нему на жертву бесчестья ту, которую он для того дня назначил. Этот помещик «омерзил» 60 девиц, лишив их непорочности. Крестьяне решили, наконец, убить этого лиходея и, схватив его, повели уже помещика на казнь. Варвар был вырван командою солдат...

По наприау шестого помещика, 20-ти-летняя крепостная девушка отдается в замужество за 10-ти-летнего ребенка и т. д.

Суммируя свои впечатления, Радищев пишет: «Тут видна алчность дворянина, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. Зверь алчный, пиявица ненасытная, что крестьянину мы оставляем? То, чего отнять не можем — воздух. Да, один воздух. Отнимаем у него нередко не только дар земли, хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает отнять у него жизнь. Но разве мгновение. Сколько способов отнять у него ее постепенно? С одной стороны почти всеилье; с другой — помощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законо-

датель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не может. Се жебни заклепанного в узы, се жребни заключенного в смрадной темнице, се жребни вола в ярме».

И, обращаясь к помещикам, Радищев восклицает: «Страшись, помещик жестокосердный! На челе каждого из твоих крестьян вижу я твое осуждение»...

Далеко опережая свой век и лучшие умы, Радищев проповедовал постепенное освобождение крестьян и при том с землей, — эту ересь он единственный осмелился сказать тогда в лицо дворянам-помещикам.

Обращаясь к уму и сердцу читателей и рисуя картины вопиющей крестьянской бедности, Радищев доказывает все зло, всю безнравственность и весь вред для государства крепостного труда и всеобщего рабства. Он доказывает рассуждениями и трогает сердце горестными восклицаниями. Он уличает помещиков, называет их зверями алчными, пиявицами ненасытными, кровопийцами, палачами, варварами, а в конце концов развывает весьма разумный план освобождения крестьян.

Но этого мало. Радищев грозит. Он предупреждает граждан, что стране, где две трети населения «в законе мертвы», грозит опасность и гибель. «Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противодействие». «Прервав оплот однажды, никто уже в разлитии его противиться ему не может. Таковы суть братия наши, в узах нами содержимые», т. е. крепостные. «Идут случая и часа, колокол ударяет, и се пагуба зверства разливается быстротечно». Мы увидим вокруг «меч и отраву», «смерть и пожигание» нам будет ответом «за нашу суровость и бесчеловечие». «Опасность уже вращается над главами нашими», — предсказывает Радищев: «берегитесь!»

Но как же помочь горю, откуда ждать свободы? Крестьянин в законе мертв. Но он будет, будет жив, — восклицает уверенно Радищев, «он жив будет, если того восхощет». И не от помещиков надо ждать освобождения, а от самих крестьян: «от самой тяжести порабощения». Гнет рабства сделался невыносимым. «О, если бы рабы, — восклицает в «Путешествии» один

приказный, — тяжкими узами стягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольность их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашу облили бы пивы свои. Что бы потеряло государство?... Не мечта сие... Я зрю сквозь целое столетие». И Радищев призывает к мщению за действия крестьян против помещиков: «сокрушите орудия его земледелия; сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепл по нивам, на них же совершилось его мучительство»...

Возлагая надежды на насилие, Радищев исходил из своих философских воззрений на отношения граждан к государству и власти. В эти воззрения входил и взгляд на самозащиту, если закон не хочет и не может защитить гражданина, или его права попираются. И Радищев красноречиво, поэтому, оправдывает крепостных крестьян, убивших четырех помещиков за оскорбление целомудрия девушек. В уста судебного чиновника, который настаивал на оправдании таких крестьян, Радищев вкладывает защиту убийств, защиту горячую и страстную. Судебный чиновник, конечно, должен был удалиться со службы. Иначе и не может быть в стране произвола, где правосудие таково, что «обвиняемый не имеет почти власти оправдаться».

Так же резко нападки Радищева на придворную знать, на чиновничество, бесчестное, алчное и холопствующее пред высшими, на судей, продающих за деньги свою совесть, — и с такой же резкой горячностью Радищев защищает свободу совести и свободу слова.

В области совести он признавал лишь абсолютную свободу. Даже богохуление не вызывало в нем протеста. «Если думаешь, — писал он, — что хулением Всевышний оскорбится, урядник ли благочиния может быть за него истец? Установление свободы в исповедании обидит попов и чернецов, да и те скорее пожелают себе приобрести овцу, нежели овцу в Христово стадо».

Так же широко смотрел Радищев и на свободу слова и печати.

«Пускай печатают все, — говорит он в своем «Путешествии», — кому что на ум взойдет. Кто себя в печати найдет обиженным, тому да дастся суд по форме. Я говорю не смехом. Слова не

всегда суть деяния, размышления же не преступления. Но брань на словах и в печати — всегда брань. В законе никого бранить не велено, и всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажет правду, бранью ли то почитать, — того в законе нет. Какой вред может быть, если книги в печати будут без клейма полицейского? Не только не может быть вреда, но польза, польза от первого до последнего, от малого до великого, от царя до последнего гражданина.

«Цензура сделана нянькой рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть нянька, то следует, что есть ребята, которые ходят на помочах, от чего у них нередко бывают кривые ноги. Где есть опекуны, следует, что есть малолетние, незрелые разумы, которые собою править не могут. Если же всегда пребудут няньки и опекуны, то ребенок должен ходить на помочах и совершенный на возрасте будет калека... Таковы бывают везде следствия обыкновенной цензуры, и чем она строже, тем следствия ее пагубнее.

«Чем основательнее государство в своих правилах, чем стройнее и тверже оно само в себе, тем менее может оно колебаться и трястись от дуновения каждого мнения, тем более благоволит оно свободе мыслей и свободе писания, от которой под конец верно будет прибыль истине. Губители бывают подозрительны... Муж, явно творящий правду и твердый в правилах своих, допустит всякий глагол о себе».

В виду того, что по цензурным условиям Радищев не мог касаться вопроса о республике или народовластии вообще, а свои идеи о конституции он высказывал еще до издания «Путешествия» в двух других книгах¹⁾, он не рисует общего плана государственного переустройства по известной системе, а просто излагает проект тех мер, которые надо осуществить в стране, или изображает те цели, к которым нужно стремиться. Таковы: уничтожение крепостного права, распространение наук, искусств и ремесел, равновесие властей (разделение власти законодательной, исполнительной и судебной, что возможно лишь при кон-

¹⁾ «Жизнь Ушакова» и «Письмо к другу».

ституции), свобода печати и вероисповеданий, умеренность наказаний, отсутствие войн и т. д.

Для того времени, хотя конституционные идеи уже поселились в воздухе и имели весьма многих последователей, книга эта была весьма крупной и ценной. Она последовательно и систематически раскрывала язвы того времени и указывала определенно на первопричину всего. Книга эта была первым великим словесным бунтом против правительства: она была предтечей того великого, но неудачного, бунта, который пытались произвести русские аристократы-революционеры в декабре 1825 года (движение т. наз. «декабристов»). Смелый мечтатель, глубоко веровавший в силу разума, который «снимает бельма с глаз людей» и открывает им истину; человек, глубоко веровавший в людей и их способность перестраивать жизнь в силу требований разума, в полетах своей благородной мысли и в порывах своего любящего сердца не считавшийся с окружающей его средой и, несмотря на все препоны, вышедший с отважною проповедью в темном царстве России,—Радищев прекрасен, как юноша, рвущийся в бой, не рассчитывая своих сил. В этой неравной борьбе он погиб. Екатерина ничего не простила ему.

Ничего не могла простить ему Екатерина и как самодержавная властительница и как женщина, уже на возрасте и потому болезненно-самолюбивая в вопросах чисто личных, интимных.

Екатерина считала себя просвещенной монархиней и не боялась, когда в первые годы ее царствования вокруг говорили о деспотизме. Она была слишком высокого мнения о себе и слишком высоко смотрела со своего престола, к которому принадлежала вся помещичья-дворянская Русь, чтобы считаться с мелочами политики. И в то же время она была на редкость образованной для своего времени женщиной, и возведенная переворотом на престол, всем обязанный дворянству, она естественно хотела показать, что в ее управлении и в ее взглядах нет и тени самодурного самодержавия и деспотизма ее убитого Орловыми мужа, Петра III-го.

Но либеральные взгляды ее выветривались и от столкновения с жизнью, пропитанной старым деспотизмом, так ярко про-

явившимся в крепостном праве, и от умудренности опытом, который привязывал к неограниченной власти и толкал на то, чтобы ради этого приносить в жертву все свои взгляды. Начав с либерализма, Екатерина перешла затем к определенной реакции: от робких мыслей о постепенном освобождении крестьян—к успешному насаждению крепостного права, в особенности под влиянием крестьянских бунтов, а затем и своей неизбывной страсти к смене фаворитов, из которых каждый награждался живыми крестьянскими душами.

Французская революция допичила этот процесс обращения либеральной дамы на престоле в заурядную фигуру самодержицы. И к тому времени, когда Радищев вздумал свести с небес своих мечтаний на землю грубой прозы все свои политические и социальные идеалы,—Екатерина, как просвещенная правительница, была уже конченным человеком,—оставался деспот на престоле. Гибель Радищева этим была предрешена. Он не сознавал этого в полноте, но опасался все же действовать решительно,—недаром же он сжег почти все свое издание при первых признаках опасности, когда был арестован книгопродавец Зотов.

И, тем не менее, героическое выступление Радищева было одним из самых замечательных в истории борьбы русского народа и общества с самодержавием. Этот поединок благородного идеалиста, вооруженного пращом правды, с гигантом самодержавия прекрасен по несообразности сил—по безумной храбрости одного и лютой силе, злобе и жестокости другого.

Радищев далеко опередил свое время. Еще зрели семена декабризма¹⁾. Появлялись только первые всходы. А зрелый муж Радищев с посеребренной головой горел уже революционным

¹⁾ Декабристы, как видно из их показаний, находились под влиянием той же литературы, которая определила и политические воззрения Радищева. На допросах декабристы повторяли имена Рейналя, Руссо, Мабли, Гельвеция, которыми увлекался и автор «Путешествия из Петербурга в Москву». В свою очередь и эта книга оказала влияние на будущих декабристов. Во многих показаниях мы находим ссылки на книгу Радищева, как сильно содействовавшую выработке их революционного настроения.

огнем. Восстание России против самодержца рисовалось ему, как единственный выход для обновления родины, для ее спасения для ее славы и величия. У России был один зряг: самодержавие—«чудище обло, огромно, озорно, стозевно и лайя» (этот стих Тредьяковского взят Радищевым, как эпиграф к своей книге). Народный бунт должен прикончить с ним. Сам народ должен натиском своим согнать царя с престола, предать его всенародному суду и открыто требовать от него ответа за все преступления, им совершенные. Ответ заранее известен. Стократной казни достоин тиран, и народ казнит его. И что бы ни было дальше, какой бы ценой ни купила Россия уничтожение самодержавия, хотя бы ценою временного распада на составные свои части, все равно, нет той жертвы, которой не следовало бы принести ради уничтожения деспотической монархии.

Радищев шел впереди общества Екатерининского времени. Тогда только-только начинали созревать либеральные идеи, и просыпался русский гражданин. Он был еще младенцем в политическом отношении. А Радищев развивал уже пред ним сложную и большую программу, которая казалась смертельно опасной русскому самодержавию вплоть до 1906 года, когда революция 1905 года расчистила путь относительной свободе слова. Царствование Александра II осуществило крошечную долю радищевских реформ, да и то изуродованно, неуклюже, а порой и нелепо.

Все это показывает, какой гигантский шаг вперед сделал Радищев, бросая обществу и резкий вызов, и горький политико-социальный урок; и вместе с тем это были благие семена, которые вскоре, уже с первых дней царствования Александра I, начали давать свои плоды.

Радищев своей книгой пытался расширить горизонты русского общества, раздвинуть тесные рамки, в которых оно искусственно замыкалось самодержавием, указать ему новые светочи, новые маяки. Пусть книга Радищева погибла в количественно-большом числе экземпляров. Но качественно для свежей и плодотворной идеи количество книг не играло такой роли. Идеи в борьбе с самодержавием просачивались сквозь все препятствия,

препоны, глухие стены¹⁾. Деспотизм изживал себя. Преемник Екатерины, Павел, был чудовищем самодержавия на престоле,—недаром его наследник и сын, с благословения которого Павел был убит, мечтал уже о российской республике,—до того тошно делалось всем от слишком грубого азиатского деспотизма русских самодержцев.

И книга Радищева, идеи которого не могли быть сожжены никем, — даже и автор был бессилем сделаться собственным своим палачом,—не могла не сыграть своей роли в росте этого морального отвращения к самодержавию, освящавшему все гнусности русской жизни. И если, в конечном счете, оно погибло, то первой большой каплей яда, преподнесенного в общей чаше русской мысли деспотизму, были идеи Радищева. Он был идейным, отвлеченным тираноубийцей, цареубийцей по силе своей ненависти к царизму и к царям, по пылкой восторженности революционного возбуждения и по напряженности своего гнева против монархов.

VII.

Уже потому, что дело начала сама императрица, ясно было, что с самого начала Радищев был не обвиняемым, а заранее и бесповоротно осужденным. Обвинение написала сама императрица в собственном своем разборе книги Радищева, в целом ряде примечаний, в которых Екатерина то оправдывается перед другими и самой собой, то гневно нападает на автора, то ищет скрытых мотивов его поступка.

Первое, что пришло в голову Екатерине, когда она начала читать Радищева, была Французская революция. Она была кошмаром императрицы. Народный бунт в стране, идеями которой она и сама была заражена, воспитавшись на них, казался, ко-

¹⁾ Запретная книга, несмотря на ее уничтожение как самим автором, так и распоряжением властей, все же приобрела широкую известность в общественных кругах. Ее переписывали с тех редких экземпляров, которые сохранились в частных руках, и списки эти ходили по всей России. И разбитое сердце Радищева, когда он возвращался из ссылки, могло утешиться, когда писателю в Кунгуре на границе Азии довелось увидеть у одного из обитателей рукописную копию с «Путешествия из Петербурга в Москву».

лечно, прежде всего угрозой собственному ее трону. И поэтому первое ее примечание к книге Радищева гласило: «Намерение сей книги в каждом листе видно; сочинитель оной наводнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и вышпиливает все возможное к умалению почтения в власти и к властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства». «Учинены вопросы те, по которым теперь Франция разоряется», — пишет она дальше. «Думать можно, что (Радищев) целит на французский развратный пышнейший пример». И, наконец, императрица заявляет решительно по прочтении всей книги, что «Французская революция его (Радищева) решила себя определить в России первым подвизателем».

Но кроме этих прямых обвинений в сессии французской заразы с целью борьбы с русским самодержавием, Екатерина пыталась объяснить себе, во имя каких же идей начал писать Радищев свою ужасную, с точки зрения царицы, книгу? И, роясь в душе Радищева, Екатерина приходит к заключению, самому неприятному для автора и, конечно, самому вздорному. Не допуская, что Радищев совершал свой подвиг во имя высоких идей, в силу своей убежденности и сознания долга перед Россией, императрица, видевшая вокруг себя только лесть, искаительство, чиновничество и пресмыкательство, объясняет поступок Радищева оскорбленным его самолюбием. И первое, что приходит в голову Екатерине, это то, что Радищев в книге сводит какие-то личные счеты. «Вход не имеет в чертоги», — думает Екатерина, объясняя «злость» Радищева. Родился, мол, он с «необузданной амбицией» и «готовился к высшим степеням», но до них «не дошел», а потому «желчь нетерпения разлилась у него»...

И уже совсем наивно она пишет в конце своих замечаний: «Скажите сочинителю, что я читала его книгу от доски до доски, и, прочтя, усомнилась, не сделана ли ему мною какая обида?».

Выше императрица подняться не могла. Ей идеальная сторона подвига Радищева была, конечно, чужда и непонятна. Скорее она оправдала бы обиженное самолюбие, амбицию, личную обиду, наконец. Но выше идти она не могла.

И приказала кнутабойце Шешковскому произвести расследование. И Шешковский, получив примечания императрицы,

добросовестно переложил их в вопросы обвиняемому и, таким образом, в данном случае мы имеем дело с редким процессом, с тяжбой между всецельной монархиней и писателем, причем обвинительницею в личных делах своих выступает сама государыня, которая когда-то не признавала законов об оскорблении величества...

Понятно, что кнутабойца неистовствовал. Что делал Шешковский с Радищевым, конечно, мы не знаем. Но приемы этого опричника при допросах были ужасны. «Шешковский, — рассказывает в своих «Записках» А. М. Тургенев, — пытал, мучил и тиранил... Правда, с тех, которые после наказания оставались живы, он брал подписки в том, что они во всю жизнь никому и ни под каким предлогом не будут говорить о случившемся с ними. Наказанный был обязан подтвердить присягой и обещать, если проговорится, — подвергнуть себя безответному вновь наказанию».

Вот какой следователь был Шешковский. И неудивительно, что Радищев, узнав, что ему придется идти на допрос к кнутабойце, упал в обморок. И понятно, почему тотчас же был приведен к покорности Радищев и в показаниях начал раскаиваться и приносить повинную... Не будем осуждать за это человека, попавшего в лапы к зверю-палачу.

Дело перешло от Шешковского в палату петербургского уголовного суда. Но этому суду не доверяла императрица, и повелено было не сообщать ему всего производства по делу, всех протоколов допроса Радищева Шешковским. Безбородко, ближайший советник и руководитель императрицы, который через него и делала все распоряжения по делу Радищева, приказывал петербургскому главнокомандующему, графу Брюсу, чтобы уголовная палата ограничилась только четырьмя вопросами Радищеву: он ли сочинитель книги, в каком намерении сочинил ее, кто его сообщники, и чувствует ли он важность преступления? Безбородко прибавил, что обыкновенный суд не должен идти дальше и вникать в дело по существу: достаточно ответов на эти вопросы, чтобы осудить беспощадно. Келейных допросов палате сообщать не следует, тем более, что многие вопросы, — особенно: «не имеет ли он какого недовольствия или обиды на ее величество», — отнюдь непристойно выводить пред судом. Что касается

раскаяния Радищева, то оно,—писал Безбородко,—суда не касается и в воле государевой на него воззреть...

Так, без всякого формального и по существу производства, и судили Радищева. Любопытно, что палата все же книгу Радищева прочитать вслух в составе суда разрешила, но главнокомандующий потребовал, чтобы во время чтения в присутствии не были пускаемы канцелярские служители... Так боялась Екатерина заразы от книги, так боялась она и суда, смущенная, сама себя не верившая и боявшаяся, что слово правды может проскользнуть даже в рабски-покорном ей суде.

Суд был, конечно, варварский.

VII.

Встретилось, однако, препятствие: в законах не было статьи, которая предусматривала преступления в печати. Но с правосудием чиновники не стеснялись. Отыскали статьи уложения, гласившие «о ворах, затевающих воровским умыслом смуту, о мыслящих на государево здоровье злое дело и хотящих московским государством завладеть и государем быть». Потом палата присоединила сюда, ни к селу, ни к городу, воинские законы Петра I и привела статью, которая говорит: «когда крепости или шанцы штурмованы будут, а начальники с солдатами уступят прежде, пока они крайнюю силу учинили», и т. д. На этом основании палата приговорила Радищева к смертной казни. Дело перешло в сенат, который тоже был затруднен отсутствием закона и поэтому разыскал еще статью о пасквильнтах в морском (!) уставе и также приговорил Радищева к смертной казни.

Вот указ сенату Екатерины, который повторяет обвинения, изложенные в ее же примечаниях на книгу Радищева:

Указ сенату 4 сентября 1790 года.

Именной указ, данный Сенату. О наказании коллежского советника Радищева за издание книги, наполненной вредными умствованиями, оскорбительными и неистовыми выражениями противу сана и власти царской.

Коллежский советник и ордена св. Владимира кавалер, Александр Радищев оказался в преступлении противу присяги

его и должности подданного, изданном книги, под названием: Путешествие из Петербурга в Москву, наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное к властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и наконец оскорбительными и неистовыми выражениями противу сана и власти царской, учинив сверх того лживый поступок прибавкою после цензуры многих листов в ту книгу, в собственной его типографии напечатанную, в чем и признался добровольно. За такое его преступление осужден он палатою уголовных дел Санктпетербургской губернии, а потом и сенатом нашим, на основании государственных узаконений, к смертной казни; и хотя, по роду толь важной вины, заслуживает он стю казнь, по точной силе законов, означенными местами ему приговоренную, но мы, последуя правилам нашим, чтобы соединить правосудие с милосердием для всеобщей радости, которую верно подданные наши разделяют с нами в настоящее время, когда Всевышний увенчал наши неусыпные труды в благо империи, от Него нам вверенной, возжеланным миром с Швецией, освобождаем его от лишения живота и повелеваем, вместо того, отобрав у него чины, знаки ордена св. Владимира и дворянское достоинство, сослать его в Сибирь в Елимский острог на десятилетнее безысходное пребывание; имение же, буде у него есть, оставить в пользу детей его, которых отдать на попечение деда их».

Двух приговоров было мало Екатерине. Она, приговором сославшись на свое желание «не быть пристрастной», передала до вышеприведенного указа сенату дело еще в совет, приказав объявить ему, что «она презирает все, что в зловредной его, Радищева, книге оскорбительного особе ее величества».

«Совет ее величества» не был судебной инстанцией. Он был учрежден во время турецкой войны для совещания по военным событиям. Во всяком случае передача судебного дела в военный совет явилась совершенно неожиданной, но дело объясняется с одной стороны боязнию Екатерины, что она действует во всем этом процессе слишком лично, и поэтому она хотела бы, чтобы против Радищева было выдвинуто возможно

большее количество обвинений, а с другой—умная императрица, критически относясь к приговорам палаты и сената, усмотрела в них пропуск. И поэтому Екатерина прямо указала совету на два новых обвиняющих Радищева, но пропущенных сенатом и палатой, обстоятельства: на нарушение верноподданнической присяги и на личное оскорбление императрицы. Совет ее величества, конечно, приговор одобрил...

Екатерина, как сказано, своим указом сенату заменила смертную казнь десятилетней ссылкой в одно из самых отдаленных мест Сибири—Илимский острог, более 500 верст к северу от Иркутска.

18 сентября Радищев в кандалах и в «гнусном нагольном тулупе», взятом у сторожа, был отправлен в Сибирь ¹⁾. В либеральных кругах общества были очень недовольны таким суровым приговором. Горячую поддержку нашел Радищев в гр. Воронцове, который снабдил его на дорогу деньгами и написал

¹⁾ По ходатайству гр. Воронцова, Екатерина II-ая, повидимому, не особенно спокойная в своей совести за дикую расправу с Радищевым, распорядилась отправить вслед за писателем курьера с приказом снять кандалы и дать Радищеву хорошую одежду. Курьер догнал Радищева в Новгороде, и отсюда писатель ехал в сравнительно сносных условиях. В Москве Радищев провел несколько дней в доме своего престарелого отца, приехавшего в древнюю столицу. В конце 1790 года Радищев приехал уже в Тобольск, где прожил около полугода, поджидая свою свояченицу (на которой он впоследствии женился), с двумя своими сыновьями. В Тобольске местное общество встретило изгнанника, окруженного ореолом политического мученичества, самым радушным образом и устраивало в честь его обеды, вечера и спектакли.

В январе 1791 года Радищев приехал в Илимск, где для него был уже приготовлен воеводский дом из 5 комнат со многими службами. Через год Радищев, при помощи присланных ему иркутским генерал-губернатором плотников и столяра, построил себе новый дом, обширный и удобный, с помещением для библиотеки, которая непрерывно пополнялась книгами на разных языках, присылавшимися гр. Воронцовым.

В Илимске Радищевнискал себе самое глубокое уважение в населении; широкую популярность он приобрел еще и тем, что занимался врачеванием. Радищев первый привез в Сибирь опочививание, которое в России стало применяться при Екатерине II, а когда Радищев уезжал из Илимска, его провожало все население города, и добрая память о Радищеве жила еще долго во многих поколениях сибиряков.

письма многим губернаторам, прося их о гуманном отношении к Радищеву. В обществе как-то не верили в бесповоротность осуждения Радищева. Ежегодно возникали слухи об его помпировании, но Екатерина была снисходительнее к обманывавшим ее любимцам... Радищев получил свободу в ноябре 1796 года при Павле I, который позволил ему, вернувшись из Сибири, поселиться в Калужской губернии ¹⁾. Лично он и его переписка были отданы под надзор полиции. Настоящая свобода была дана измученному писателю только Александром I, манифестом 15 марта 1801 года.

Радищеву, когда он вернулся в Петербург, было уже 52 года. В Сибири ему тяжело жилось, хотя он неустанно читал и работал пером. Еще тяжелее ему было от тяжелых дум, неустанно посещавших его после злополучного процесса. При допросах, производившихся Шешковским, Радищев, никогда не отличавшийся здоровьем, угнетенный и удрученный, вынужденно давал показания, которые можно считать за раскаяние, но, раскаяваясь, он все же на допросах доказывал и основательность своих воззрений ²⁾. Во всяком случае, этот процесс разбил тело и душу Радищева, и в либеральное начало царствования Александра I-го седой республиканец был уже сильно поддавшимся.

Но в душе его еще тлела яркая надежда. Он работал и в комиссии по составлению законов, где его сослуживцы тотчас заметили, что он «мыслей вольных и на все взирал с критикой». Особых следов от этой работы не осталось. Существуют лишь указания, что Радищев составил, может быть, по предложению императора Александра I, проект либеральных реформ (о сво-

¹⁾ Когда Радищев возвращался из Сибири, общество крупных городов принимало его восторженно. В Казани и в Нижнем-Новгороде в честь писателя устраивают обеды и вечера, возят его по городу для осмотра и т. п. Замечательно, что подобные чествования устраивали Радищеву чиновники и купцы...

²⁾ Радищев сознавал, конечно, весь ужас этих нескрепных раскаяний и своих слезных челобитных. Он говорил впоследствии, припоминая страшные допросы Шешковского, что поступил, как Галилей: находясь в железных тисках инквизиции, Галилей отсекся, как известно, от своего учения о вращении земли вокруг солнца, но затем тотчас воскликнул: «а все-таки она вертится!»

боде печати и совести, суде присяжных, равенстве сословий, отмене подушной подати, освобождении крестьян, уничтожении телесных наказаний и т. д.). Проект этот не сохранился.

Радищев покончил свою жизнь самоубийством; мысль о котором была вообще близка Радищеву, быть может, вследствие резкого несоответствия его идеалов тому, что он нашел в России. 11-го сентября 1802 года Радищев выпил стакан яда (крепкой водки) и скончался в страшных мучениях на другой день.

Поэт Пнин, который был самым пламенным почитателем Радищева и его идей, такими стихами оплакивал смерть вольнолюбивого писателя

Итак Радищева не стало!
Мой друг, уже во гробе он!
То сердце, что добром дышало,
Постиг ничтожества закон,
Уста, что истину вещали,
Увы, навеки замолчали,
И пламенный ума погас.
Кто к счастью вел путем свободы,
Навек, навек оставил нас!..

Похоронен был Радищев в Петербурге, на Волковом кладбище. Могила его затеряна.

VIII.

Так грустно сложилась жизнь этого талантливого человека, с пламенной душой и возвышенными чувствами. Весь обвешанный дыханием революционной философии и начавшейся уже революции во Франции, Радищев, как апостол новых идей, бросил вызов правительству и общественным идеям того времени дал новое содержание, определенно направленное на борьбу со строем. Борьба уже началась, глухая, подземная, партизанская. Умственный рост общества пошел впереди его социального устройства, впереди социальных сил. Этот рост должен был продолжаться еще семьдесят лет для того, чтобы сложилась благоприятная

обстановка для решения первой радищевской задачи — освобождения крестьян от рабской зависимости, для того, чтобы идеи и материальные силы слились в одно целое для недопущения крепостного права.

Мечты и планы Радищева остались во многом и существенном мечтами и до настоящего времени. Его основная мечта о государственном переустройстве на началах полного и безусловного народовольствия встала на очередь теперь: она поставлена в задачу ближайшего будущего трудовыми массами. Эта идея горит теперь не только в пламенных головах: она получила мощь и силу, потому что прочно поддерживается мыслью и силою труда, борющегося за свои политические права и за экономическое переустройство общества. Радищеву снились пленительные сны, благородные, чистые и невинные. Эти сны сделались теперь научно обоснованными и покоящимися на реальных отношениях требованиями программ демократии. И эти требования, будучи благородными и чистыми, являются уже и грозными: это не мечтания юноши, а требование зрелого мужа, умеющего поддержать силою свое право, пока оно не отлилось в законе.

И должно было пройти еще сто семнадцать лет для того, чтобы пленительный сон Радищева оказался реальным, чтобы совершился всенародный суд над царем, низвергнутым с трона, чтобы русские граждане осуществили свои права.

И за это память о Радищеве не умрет в России. Рожденный под игом власти и неся позлащенные ее оковы, он первый прокричал вольность. Это — его собственная скромная самооценка. Он не только прорицал вольность, — он был одним из первых создателей той тяги к вольности, которая породила революционное движение в России и привела к падению самодержавия. Он был одним из лучших сынов России, в рабстве поднявший знамя мятежа против деспотизма. Он вышел рано, на слабой заре нашей общественности. Тем святее его подвиг и тем выше его дело...

И как бы ни забегала вперед мысль человека, уже это одно стремление к высокому и идеальному, этот порыв к свету среди

царства тьмы, эта страсть к истине и жажда справедливости сплетают прекрасный венок рыцарям свободы, среди которых в истории освободительной войны России первому республиканцу Радищеву мы должны предоставить одно из самых ярких и почетных мест, потому что

*Под игом власти, сей, рожденный,
Неся оковы позлащенные,
Нам вольность первый прорицал.*

КАТАЛОГ КНИГ

ИЗДАТЕЛЬСТВА и КНИЖНОГО СКЛАДА ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ и КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ.

Смольный, 2-й этаж, комната 51, телефон—34, контора—комната 54.

Книжный магазин—Невский, 116.

Вышли из печати:	Цена. Р. К.	Цена. Р. К.
Гайк-Ад-янц. «Крестьянский вопрос во Франции»	— 55	Горький, Максим. «Макар Чудра». С виллус. — 60
Алексеев и Варлен. «Две речи»	— 70	Его-же. «Челкаш» 1 50
Арну. «Мертвецы коммуны»	— 45	Его-же. «Двадцать шесть и одна» 1 50
Афиногенов (Степной), Н. «Записки ополченца». Разошлось	1 25	Его-же. «Дед Архип и Ленька» 1 50
Банс. «Великая французская революция»	— —	Его-же. «Емельян Пугачев» 1 10
Его-же. «Парижская коммуна»	1 75	Его-же. «Дело с застезками» — 80
Барбюс. «В огне». Дневник полувзвода. Перев. Арденна. 1-е и 2-е издания разошлись. Печатается 3-е издание	10 —	Его-же. «На плотях» 1 30
Басов-Верхожанцев. «Венок». Сказки	2 50	Его-же. «Мальва» 1 80
Бибель, А. «Из моей жизни». Мемуары, т. 1	4 20	Его-же. «Коновалов» 2 60
Его-же. «Христианство и социализм»	— 50	Его-же. «Горьма» 2 25
Богданов. «Красная звезда»	2 60	Его-же. «Проходимец» — —
Бране. «Долой социал-демократов»	1 —	Его-же. «Скуки ради» 1 40
Бухарин. «Программа коммунистов»	1 75	Его-же. «Васька Красный» 1 40
Его-же. «Долой международных разбойников». Разошлось. Печатается 2-е изд.	— 40	Его-же. «Кирилка» 1 30
Его-же. «Классовая борьба и революция в России»	1 80	Его-же. «О евреях» 1 10
Быстрицкий. «Империализм»	— 30	Его-же. «Как я учился» — 90
Вандервельде. «Социализм и искусство»	— 90	Декав. «Фленго». Рассказ из времен коммуны 1871 г. — 25
Ватин. «Что такое коммуна?»	— 20	Декреты о суде 1 50
Вейтлинг. «Человечество, каково оно есть и каким должно быть»	— 85	Демьян Бедный. «Земля обетованная» 1 20
«Венок коммунаров». Сборн. памяти В. Володарского, с рисунками	2 —	Его-же. «В огненном кольце» 1 50
Вин, Л. «Уголок немецкой оккупации»	— 50	«Евреи, классовая борьба и погромы» — 15
Володарский, В. «Напутственная речь агитаторам». 3-е издание	— 50	Жорес. «Мир и пролетариат» — 45
Его-же. «Враги ли евреи рабочим и крестьянам». Разошлось. Печатается 2-е изд.	— 20	Закон о лесах Российской Фед. Сов. Республики — 20
Войнич, В. «Овод». Роман. Пер. с английского З. Венгеровой	4 50	Зиновьев, Г. «Корни оборончества». Разошлось. Печатается 2-е изд. 1 10
Вулфман. «Ткачи». Драма	1 50	Его-же. «Наше положение и задачи создания красной армии» — 25
Вричев. «Таблица исчисления заработной платы от 150 до 1.000 р. при 6 и 8 час. рабочей дне»	2 50	Его-же. «Австрия и война» 1 80
Горлов, Н. «Темные силы, война и погромы»	— 15	Его-же. «Из истории пролетарского праздника 1 мая» — 30
		Его-же. «Г. В. Плеханов». Вместо речи на могиле — 45
		Его-же. «Хлеб, мир и партия» — 70
		Его-же. «Рабочие партии и профессиональные союзы» 2 25
		Его-же. «Речь о создании красной армии». 2-ое изд. — 25
		Его-же. «Социализм и война» — 30
		Его-же. «Н. Ленин, жизнь и деятельность» 1 20
		Его-же. «Письмо к крестьянам» — 50
		Его-же. «Слово к красноармейцам» — 85
		Его-же. «Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс» — 35

	Цена.
	Р. К.
Его-же. «Что делать в деревне» . . .	— 70
Его-же. «О мятеже левых эс-эров» . . .	— 60
Его-же. «Франц Меринг» . . .	— 30
Его-же. «Из истории нашей партии» . . .	1 10
Его-же. «Война и кризис социализма» . . .	15 —
Зиновьев, Г., и Ленин, Н. «Против течения». 1-е изд. разошлось. Вышло 2-е изд.	10 —
Ионов, Илья. «Алое поле». Стихотворения. 2-е изд.	1 50
Кампанелла, Томас. «Государство солипа». Утопия	2 15
Карпинский, В. А. «Мир или война» . . .	— 15
Каутский, К. «Наука, жизнь и этика» . . .	— 30
Его-же. «К. Маркс и его историческое значение»	1 20
Его-же. «Экономическое учение К. Маркса». 2-е изд.	3 50
Его-же. «Этика»	2 25
Его-же. «На другой день после социал. революции»	— 75
Его-же. «Классовые интересы»	— 40
Его-же. «Карл Маркс». Биографический очерк	— 45
Его-же. «Томас Мор и его Утопия» . . .	6 —
Его-же. «Ирландия»	1 40
Керенцев. «Как вести собрание»	— 70
Кий. «Что такое социализм?»	— 65
Его-же. «Республика Советов». 4-е исправленное и дополненное изд.	— 40
Его-же. «От крестьянской общины к социалистической коммуне»	— 35
Его-же. «Сельская коммуна»	— 20
Клюев, Н. «Медный кит»	2 40
Князев, В. «Красные звоны и песни» . . .	2 50
Его-же. «Красное Евангелие»	1 20
Коллонтай. «Работница-мать»	— 35
Конколь. «Коммуна 71 г.»	— 40
Конституция Советской Республики	
Корольевич, Б. Е. «Финансовые и экономические законы и мероприятия Германии против держав согласия за время нынешней войны»	— 35
Лазар, Бернар. «Антисемитизм и революция»	— 70
Лассаль, Ф. «Принципы труда в современном обществе»	— 60
Лафарг, П. «Происхождение религиозных верований»	— 60
Его-же. «Благотворительность и право на труд»	— 60
Его-же. «Миф о непорочном зачатии» . . .	— 35
Его-же. «Вера в Бога». Разошлось. Печатается 2-е издание	— 75
Его-же. «Труд и капитал»	— 75
Его-же. «Патриотизм буржуазии»	1 10

	Цена.
	Р. К.
Лафарг, П. «Право на леность»	1 —
Ленин, Н., и Зиновьев, Г. «Против течения». 2-е изд., с портретами	10 —
Ленин. «Доклад и заключительная речь на 3-ем всероссийском съезде Советов»	— 30
Его-же. «Борьба за хлеб». Разошлось. Печатается 2-е изд.	— 30
Его-же. «Пролетарская революция и ренегат Каутский»	— 30
Его-же. «Главные задачи наших дней» . . .	— 15
Его-же. «Уроки революции»	— 30
Либкнехт, В. «Два мира»	— 15
Его-же. «1848 г. и коммуна». Разошлось. Печатается 2-е изд.	— 30
Его-же. «Воспоминания о К. Марксе» . . .	— 30
Лилина, З. «Солдаты тыла». «Женский труд до и после войны». Разошлось. Печатается 2-е изд.	— 30
Ее-же. «Что дала революция народу» . . .	— 15
Литературный сборник, посвященный памяти Г. В. Плеханова	— 90
Ларин, Ю. «Крестьяне и рабочие в русской революции»	— 70
Его-же. «Состав пролетариата». 2-е изд. . .	— 70
Логинов. «На страже». Стихотворения. Сатиры	— 70
Лукин, Н. «Церковь и государство»	— 65
Луначарский, А., и Зиновьев, Г. «К. Маркс и социальная революция». Разошлось. Печатается 2-е издание	— 40
Луначарский. «Комедии». 2-е издание . . .	— 35
Его-же. «Первый пророк и мученик революции Радисцев»	— 20
Лурье, М. (Ю. Ларин). «Суд над К. Либкнехтом»	2 40
Его-же. «Крестьяне и рабочие в русской революции»	— 35
Его-же. «Состав пролетариата». 2-е изд. . .	— 40
Майская, Татьяна. «Подустанки»	— 35
Маркс, К., и Энгельс, Ф. «О коммунизме» . . .	— 40
Маркс, К. «Либералы у власти»	— 40
Его-же. «Наемный труд и капитал»	— 45
Его-же. «Заработная плата, цена и прибыль»	— 45
Мархлевский. «Что такое политическая экономия?»	— 40
«Наш рабочий праздник 1 мая»	— 40
Памяти К. Маркса. «Сборник статей», 2-е издание	— 40
Моринг, Фр., и Лафарг, П. «Фридрих Энгельс»	— 35
Мещеряков, В. «Деревенская беднота и путь к социализму»	— 40
Мирбо. «Жан и Мадлена». Драма	— 40
Мор, Т. «Утопия»	— 40

	Р. К.
Морес. Мир и пролетариат	— 45
Закон о лесах Российской Фед. Сов. Республики	— 30
Зиновьев, Г. Корни оборончества	1 10
Его-же. Наше положение и задачи создания красной армии	— 25
Его-же. Австрия и война	1 60
Его-же. Из истории пролетарского праздника 1 мая	— 30
Его-же. Г. В. Плеханов. Вместо речи на могиле	— 45
Его-же. Хлеб, мир и партия	— 70
Его-же. Рабочие партии и профессиональные союзы	2 25
Его-же. Речь о создании красной армии. 2-е изд.	— 25
Его-же. Социализм и война	1 10
Его-же. Н. Ленин, жизнь и деятельность	2 —
Его-же. Письмо к крестьянам	— 50
Его-же. Слово к красноармейцам	— 40
Его-же. Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс	— 35
Его-же. Что делать в деревне	— 70
Его-же. О мятеже левых эс-эров	— 60
Его-же. Франц Меринг	— 30
Его-же. Из истории нашей партии	1 10
Его-же. Война и кризис социализма	15 —
Его-же. Задача рабочей и крестьянской молодежи	— 90
Его-же. Работница, крестьянка и Советская власть	— 70
Его-же. Что должен знать и помнить коммунист-красноармеец	— 70
Зиновьев, Г., и Ленин, Н. Против течения, 2-е изд.	10 —
Зиновьев, Г., и Троцкий, Л. Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Речь, произнесенные на заседании Петр. Совета	2 —
Интернационал и мировая война	60 —
Ионов, Илья. Алое поле. Стихотворения, 2-е изд.	1 50
Иалер, З. В. Вейтлинг, его жизнь и учение	5 —
Кампанелла, Томас. Государство солнца Утопия	4 30
Карпинский, В. А. Мир или война	— 15
Наташ, С. А. Террор буржуазии в Финляндии	3 50
Каутский, К. Наука, жизнь и этика	— 30
Его-же. К. Маркс и его историческое значение	8 —
Его-же. Экономическое учение К. Маркса, 2-е изд.	3 50
Его-же. Этика	2 25
Его-же. На другой день после социал. революции	— 75
Его-же. Классовые интересы	— 40
Его-же. Карл Маркс. Биографический очерк	— 45
Его-же. Томас Мор и его Утопия	12 —
Его-же. Ирландия	1 40
Его-же. Возникновение брака и семья . . .	2 25
Керенцев. Как вести собрания	1 40
Кий. Что такое социализм?	1 10
Его-же. Республика Советов	— 40
Исправл. и дополненное изд.	— 40
Его-же. От крестьянской общины к социалистической коммуне	— 35
Его-же. Сельская коммуна	— 40
Клюев, Н. Медный кит	2 40
Князев, В. Красные звоны и песни	2 50
Его-же. Красное Евангелие	1 20
Его-же. Песни красного звоняря	3 —
Коллонтай. Работница-мать	— 35
Коммунистический Интернационал к трудящимся всего мира. Па здравствует 1 мая	1 —
Конколь. Коммуна 71 г.	3 —

	Р. К.
Конституция Советской Республики	— 40
Корольевич, Б. Е. «Финансовые и экономические законы и мероприятия Германии против держав согласия за время нынешней войны»	— 35
Лазар, Бернар. Антисемитизм и революция	— 70
Лангман, Бартель Туразер	9 —
Лассаль, Ф. Принципы труда в современном обществе	— 60
Его-же. Дневник	6 75
Лафарг, П. Происхождение религиозных верований	— 60
Его-же. Благотворительность и право на труд	— 60
Его-же. Миф о непорочном зачатии	— 35
Его-же. Вера в Бога. Разошлось. Печатается 2-е издание	— 75
Его-же. Труд и капитал	7 50
Его-же. Патриотизм буржуазии	1 10
Его-же. Право на леность	1 10
Его-же. Кампанелла	10 —
Ленин. Доклад и заключительная речь на 3-ем Всероссийском Съезде Советов	— 25
Его-же. Борьба за хлеб. Разошлось. Печатается 2-е издание	— 40
Его-же. За 12 лет. Собрание статей	20 —
Его-же. Пролетарская революция и ренегат Каутский	4 50
Его-же. Главные задачи наших дней	— 65
Его-же. Уроки революции. 2-е издание . . .	— 40
Его-же. Империализм, как новейший этап капитализма. (Полуп. очерк)	4 40
Его-же. Успехи и трудности Советской власти	2 20
Лесков, Н. С. Евреи в России	17 —
Его-же. Сказание о Фелоре-Христиане и о другие его Абраме-Хидовине	6 —
Либкнехт, В. Два мира	1 60
Его-же. Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений	1 30
Его-же. 1848 год и Коммуна. Разошлось. Печатается 2-е издание	2 —
Его-же. Воспоминания о К. Марксе	2 —
Его-же. К юбилею мартовской революции	3 30
Либкнехт, Карл. Мой процесс. (По документам). С предисловием Зиновьева и портретом К. Либкнехта	12 —
Лилина, З. Солдаты тыла. Женский труд до и после войны. Разошлось. Печатается 2-е издание	2 10
Ее-же. Организуйте женщин	— 50
Ее-же. Что дала революция народу	— 35
Литературный сборник, посвященный памяти Г. В. Плеханова	3 45
Логинов. На страже. Стихотворения. Сатиры	1 30
Линдеман, Г. Коммунальная политика социализма	1 40
Лукин, Н. Церковь и государство	— 50
Луначарский, А., и Зиновьев, Г. К. Маркс и социальная революция. Разошлось. Печатается 2-е издание	— 65
Луначарский, А. Комедии. 2-е издание . . .	5 20
Его-же. Карл Маркс. Ко дню 100-летия со дня рождения	— 50
Его-же. Королевский брадобрей (Власть). Пьеса	3 —
Его-же. Первый пророк и мученик революции Радисцев	1 20
Лурье, М. (Ю. Ларин). Суд над К. Либкнехтом	— 65
Его-же. Крестьяне и рабочие в русской революции	2 —
Его-же. Состав пролетариата. 2-е издание	— 65
Майская, Татьяна. Подустанки	3 50

5-34
40

	Р. К.
Лавикс, Н. Борьба у власти	1 40
Его же. На чужий труд и	85
Его же. Зерновая плата, цена и	3 75
Его же. еврейскому вопросу	1 40
Маркс, К. Энгельс, Ф. О комму-	2 80
Ик-ис. Совет, коммунистической	1 10
Мархлевский, Д. Это такое политиче-	8 50
Меринг, Фр., и Лафарг, П. Фридрих	1 40
Энгельс	
Мещеряков, В. Деревенская беднота	1 59
и путь к социализму	8 50
Мирбо. Жан и Маллена. Драма	7 20
Моррис, В. Вестник откуда. Утопия	3 50
Мор. Т. Утопия	2 —
Муйжель. Вязь жизни	— 30
Его же. Старый Камера	5 —
Наш рабочий праздник 1 мая	10 —
Немоновский, А. Люди революции	24 —
Новорусский, М. Гроби	4 50
Олар. Политическая история фран-	5 50
цузской революции	20 —
Памяти К. Маркса. Сборник статей	— 50
2-е издание	8 50
Памяти К. Либкнехта в Розы Люксем-	1 80
бург. Сборник статей	1 50
Первый социалистический советский	— 75
настоющий календарь	12 —
Петрович. Пролетарии всех стран,	— 75
соединяйтесь!	4 —
Пименова. История Интернациона-	7 50
нала	—
Плеханов, Г. Речь о Балинском	7 50
Программа Российской коммунистиче-	2 25
ской партии	12 —
Равич, С. Что такое республика Об-	5 20
щество	3 —
Раден. Анархизм и советская власть	5 50
Раковский. Связности и война	3 —
Рионов, Нин. Как совершать разные	3 —
рождений, брака, развода, внебрачных	50
детей и установление отцовства у	—
народных нотариусов	—
Ромэн, Роллан.	—
Жан Кристоф. Зара, т. I.	—
Утро, т. II.	—
Юность, т. III.	—
Бунт, т. IV.	—
Армарка на пло-	—
щадя, V.	—
Сердце Франции,	—
т. VII.	—
Невозвратная купива,	—
т. IX.	—
В стороне от схват-	—
ки	—
Рубакин. Вода на земле, вод землей	—
и над землей. С многочисленными	—
иллюстрациями	—
Его же. Проклятения в стране рабства	—
С многочисл. иллюстрац.	—
Его же. Дедушка Времи. Новогодняя	—
сказка	—
Его же. Что такое кометы	—
Его же. Как и когда разные народы на-	—
учились говорить каждый на своем	—
языке	—
Его же. Рассказы о делах в царстве	—
животных	—
Его же. Следы тайны чудеса	—
Рязанов, Д. Две правды. Марксизм и	—
народничество. Разошлось. Печатает-	—
ся 2-е издание	—
Его же. Обуховское дело. Разошлось	—
Печатается 2-е издание	—

	Р. К.
Рязанов, Д. 19 февраля. Разошлось	75
Печатается 2-е издание	1 80
Его же. К. Маркс и русские люди 40-х	— 90
толов	3 75
Его же. Г. В. Плеханов и группа „Осво-	5 —
бождения труда“	1 10
Его же. Англо-русские отношения в	— 90
оценке К. Маркса	—
Советская Россия и народы мира. С	—
предисловием Максима Горького	—
Самойлова. Современная безработица	—
и борьба с нею	—
Ее же. Продовольственный вопрос и	—
советская власть	—
Ее же. Что даст рабочим и крестьянам	—
Балкая Октябрьская революция	—
1-е издание	—
2-е издание	—
Сборник декретов и постановлений, ка-	—
сающихся коммун Северной области	—
За 2 тома в папке	—
Сборник историч. положений и пра-	—
вил по организации сельскохозяй-	—
ственных коммун	—
Срединский, С. Основы газетного дела	—
Степлов, Ю. Черная сотня во Фран-	—
ции. Разошлось Печатается 2-е изд.	—
Его же. Революция 1848 г. во Франци	—
Его же. Прудон	—
Его же. Чозь Лафарг 2-е издание	—
Его же. История теория во француз-	—
ском антимпериализме	—
Его же. Интернационал	—
Его же. Интернационал, ч. II	—
Его же. Черная Польша Марат	—
Его же. Твердые цены на хлеб	—
Его же. Кто богатеет и кто обезвре-	—
живается	—
Струмилин. Богатство и труд (шкул-	—
вузап, очерк)	—
Троцкий. Труд, дисциплина и порядок	—
Его же. Слово к рабочим и крестьянам	—
Его же. Советская власть и междуна-	—
родный империализм	—
Тун, А. История револ. движения в	—
России	—
Тюрлан. Парижская Коммуна	—
Цена крови	—
Хвольсон, О. Метр, гектогр., литр,	—
грамм — общедоступное описание	—
новых мер и весов	—
Цеткина, Н. Борьба за свободу и мир	—
в России	—
Ее же. Женский вопрос, интелл. про-	—
летар и социал.	—
Ее же. За большевиков	—
* * * Мировая война С предисло-	—
вием Г. Зиповьева	—
Чинколини, С. В. Происхождение	—
современной войны	—
Чуновский, Н. Кровавил. С рисун-	—
ками художника Ре-ми	—
Его же. Уст Уитмен. Поэзия гряд-	—
ущей демократии	—
Шлессельбург и его мученики. С ил-	—
люстрациями	—
Зйснер, В. Либкнехт, его жизнь и дея-	—
тельность	—
Энгельс, Ф. Философия, полит. эконо-	—
мия и социализм (Анти-Дюринг).	—
Его же. Из истории развития социа-	—
лизма	—
Его же. Людвиг Фейербах	—
Его же. Статьи 1871—75 гг.	—
Его же. Длинный вопрос	—
Чновский. Таблицы для перевода	—
русских мер и международные мет-	—
рические и обратн	—
Ясинский. Воскреснувшие сны Стихи	—